

Томск.

В Томск мы попали в результате эвакуации из Москвы Первого государственного подшипникового завода [ГПЗ-1 \(Москва\)](#), где отец работал заведующим измерительной лабораторией. У отца было плохое зрение (+10) и он был освобождён от службы в армии. В первые же дни войны было принято решение правительства об эвакуации крупных заводов из Москвы в Сибирь, на Урал и в Среднюю Азию. Завод разделили на пять (!) частей для организации новых заводов: в Томске, Саратове, Куйбышеве (Самаре) и Свердловске (Екатеринбурге). Еще часть производства осталась в Москве. Отца прикомандировали к ГПЗ-5 (Государственный подшипниковый завод № 5), который эвакуировали в Томск.

В Томске завод разместили в корпусах бывшей воинской части. До войны эта территория называлась *Красными казармами*, так как в XIX веке постройки для Томского мушкетёрского полка (с 1864г. - «39 Томский пехотный полк») выполнялись из прочного красного кирпича.

Семьи ИТР и рабочих поселили в корпусах военного городка. До 1992 года предприятие называлось ГПЗ-5. В сентябре 1941 года наша семья уже была в Томске. Нам была выделено две комнаты в отдельной трёхкомнатной квартире на первом этаже двухэтажного здания бывшей казармы. Третью комнату занимала семья рабочего с дочерью Юлей, она была на 2 года старше меня.

В ноябре 1941г заводское оборудование прибыло в Томск на новую, совершенно неподготовленную территорию, а через шесть месяцев, в июне 1942 года отец получил благодарность за запуск цеха. Это означает, что в Сибири зимой цеха были оборудованы за пять (!) месяцев. Заводик был небольшой. Одноэтажные здания цехов. В цехах было мрачно, шумно и беспорядочно. Я часто заходил к отцу на завод в его лабораторию. Мне нравились приборы, стоящие в ряд на столах. Надо сказать, отец был аккуратен в работе до педантизма. Все измерительные инструменты были аккуратно расставлены на стеллажах; что-то стояло в шкафах за стеклянными дверками.

1943 год. Ворота завода и жилые корпуса Красных казарм.

Другую часть завода перебазировали в Куйбышев (ныне Самара), куда отец часто ездил в командировки по вопросам кооперации в запуске оборудования. Как впоследствии оказалось, наш контейнер с домашним скарбом попал в эшелон, который направлялся в Куйбышев. Родители долго ждали вещей, но так и не дождались. Во время одной из командировок в

Куйбышев отец, будучи в гостях у коллег по московскому заводу, узнал нашу чайную посуду. Выяснилось, что контейнер Бродского вскрыли и всё содержимое растащили. При этом вещи так и именовались «вещи Бродского». Отец кое-что собрал по миру, но это была лишь малая часть разворованного. Типичное проявление российского принципа жить «по понятиям». Кстати, нашёлся и рояль. Он был поставлен в зале городской психбольницы. Началась длительная и нудная переписка с целью вернуть собственность. Закончилась ничем.

Весна 1942 г. Самый тяжёлый период – пуск завода. Вид усталый, сосредоточенный.

Кроме подшипников, завод выпускал стрелковое оружие. Уже в сентябре 1942 года пошла продукция военного назначения. Это была секретная информация, но мы, дети, знали об этом по частым командировкам отца на предприятия-поставщики и на стрелковые полигоны. Отец был назначен помощником главного инженера по спецпроизводству и начальником спецотдела, и ему приходилось ездить на артополигон в Чапаевск, где происходила приёмка партий готовых изделий и время от времени обнаруживался брак. Эти ситуации грозили большими неприятностями и живо обсуждались в семье. Видимо, отец умел улаживать такого рода конфликты, и благодарности свидетельствуют об этом.

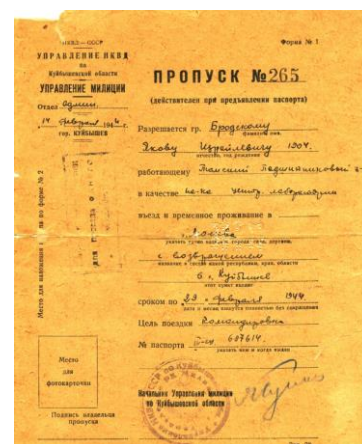

Выдано настоящее пом. гл. инженера по спец производству и нач. спецотдела Томского Подшипникового завода Бродскому Я.И. в том, что он командировается по весьма важному фронтовому заданию в г. Новосибирск - Обком ВКП(б), г. Челябинск - Обком ВКП(б), г. Чапаевск Куйбышевской области - на артополигон и в г. Куйбышев - Обком ВКП(б).

Просьба ко всем организациям и учреждениям оказывать ему всемерное содействие в продвижении к месту назначения.

Директор
/БИНЕГИН/

ГПЗ

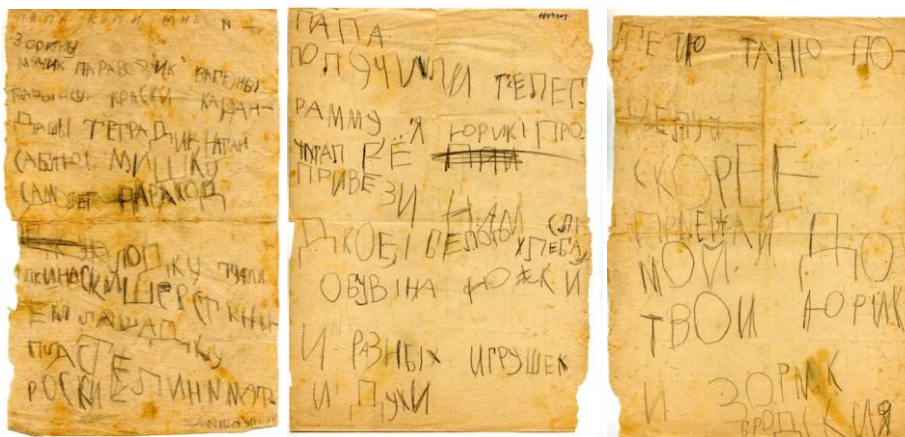
1	2	3	4	5	6
1	1942	VI	11	За запуск цеха разных деталей и досрочное выполнение плана объявлена благодарность	пр. 239 от 11/VI-42.
2	1942	IX	4	За выполнение особо важного задания Г.К.О. для нужд фронта объявлена благодарность	(Задание Г.К.О. для нужд фронта) пр. 529 от 4/IX-42.

1942	V	11	За запуск цеха разных деталей и досрочное выполнение плана объявлена благодарность
1942	IX	4	За выполнение особо важного задания Г.К.О. для нужд фронта объявлена благодарность

Это командировочное удостоверение и выписка из трудовой книжки, иллюстрирующие степень напряжения в первые два года после эвакуации завода.

Весной 1943 года мама взялась подготовить соседскую девчонку Людку к школе – научить её читать. Я крутился около них и невольно стал постигать основы грамотности. Неожиданно обнаружил, что мне стали понятны уличные вывески. А следом оказалось, что я могу читать книжки самостоятельно без помощи взрослых. С тех пор чтение стало постоянным занятием. Когда книжка кончалась, наступал период «голода» и усиленные поиски новой книги. И так до появления следующей. Особенно я любил волшебные сказки европейских авторов. Русские сказки все уже давно были прочитаны. Да и их тогда было немного.

Командировки отца по разным смежным производствам были довольно частым явлением. Отсутствие отца в доме обычно проходило незамеченным, поскольку он всегда рано уходил и поздно возвращался с работы, мы мало его видели. К тому же во время войны выходные были редким событием. Но возвращение из командировки всегда было праздником. Отец никогда не возвращался с пустыми руками. Он очень нас любил и баловал и старался привезти какие-нибудь сладости. Иногда игрушку.

Зима с 1941 на 1942 год была голодной. Женщины скооперировались и, собрав кое-какое барахло, совершили рейд по окрестным сибирским сёлам с тем, чтобы выменять на вещи какие-нибудь продукты. Мама распилала золотое кольцо и обменивала на продукты кусочки золота. Затея оказалась удачной и в дальнейшем эти вылазки повторялись время от времени. Нам перепадал что-нибудь сладкое, помню мёд и пряники домашней выпечки. Мама после возвращения под впечатлением от поездки красочно описывала быт и достаток сибирской деревни, несмотря на военное время. Избы приземистые, невысокие, чтобы беречь тепло, но большие, шестистенки с просторным двором для скотины и дров. На зиму было заготовлено достаточно картошки, квашеной капусты, муки, соли (которая периодически пропадала). Женщины привозили мороженое молоко, деревенское сливочное масло, крупы и муку - т.е. продукты, которые могут храниться.

Август 1942г. Завод работает на полную мощность, и отец немного успокоился.

После тяжёлой первой зимы все поняли, что надо серьёзно готовиться к следующей зиме, и администрация завода выделила участки под картошку. Посадка картошки началась весной 1942 года. Посадочный материал выдавали на заводе. Картошка была вялая, проросшая, но и её не хватало. Вся семья сидела и резала картофелины на части пропорционально количеству глазков. Занятие было увлекательное и нетрудное. Для нас, пацанов, работа с ножом всегда была привлекательна. В то время иметь свой нож было большим достоинством, ни у кого такой роскоши не было.

Подготовленную картошку надо было высадить. Участки выделяли в пойме реки Ушайки. Земля была целинная, предварительно вспаханная плугом. Чтобы привести её в приемлемое состояние, требовалось много усилий, а главное времени. Отец не мог помогать в полную силу - он сутками пропадал на заводе. Вот тут раскрылись в полной мере сила русской женщины. Пахала мама в основном одна, а мы с братом с удовольствием бездельничали. Наша помощь понадобилась при посадке, когда на нас легла обязанность засыпать ямки с картофельными дольками. Через какое-то время началось окучивание, в котором я участвовал тоже. Осенью урожаем собрали и поместили в погреб, который, как оказалось, был предусмотрен для этих домов.

Весной 1943 года решили кроме участка под картошку взять ещё участок земли под просо. Огород под картошку был в 30 минутах от дома. На посевную проса все "арендаторы" ездили коллективно на бортовых машинах. Для детей эти поездки были прекрасным развлечением. Всё лето родители периодически ходили на прополку и окучивание картошки, а мы это время проводили на реке. В конце лета всей семьёй серпами убирали урожай проса, где-то молотили и просеивали, ссыпая его со второго этажа на расстеленную внизу простынь. Проса оказалось 3/4 мешка. Негусто! Отец отвёз просо на мельницу и привёз полмешка муки. Сейчас я думаю, что он просто обменял просо на муку.

Ранней весной 1944 года мама решила взять поросёнка и к зиме выкормить его. Поросёнка назвал Людкой в честь соседской девчонки. Поместили его в загоне в туалетной комнате. Туалет

был большой, метров 15 квадратных. Выгородили ей загон, и росла она там довольно быстро. В тёплые дни изредка меня отряжали пасти Людку на волю. Пас я её прямо под окнами нашего дома. Мне это нравилось. Летом выгородили ей загон под окном туалета. Поздней осенью повезли уже большую свинью на бойню. Мне было ужасно жалко. Я чувствовал себя предателем.

Основным нашим детским занятием в эвакуации было болтание на улице. Летом бегали на реку и играли в войну. При этом, конечно, немцами никто не собирался быть, поэтому делились на казаков и разбойников. Территория городка была отделена забором и растущим вдоль него боярышником, что создавало ощущение большого внутреннего двора, в котором мы были монопольными хозяевами. Военный городок располагался на окраине Томска на берегу речки Ушайки. Между жилым районом и рекой проходила железнодорожная ветка от станции на территорию завода.

Зимой мы катались на санках с железнодорожной насыпи вниз к реке Ушайке. Гора казалась нам большой и крутой. (В шестьдесят девятом году, будучи в командировке, я прошёлся по тем местам. Высота насыпи оказалась не более пяти - шести метров). Летом мы очень любили «экскурсии» на заводские свалки. Помимо большого количества стружки, которая почему-то всегда горела, было много всяких деталей, колёсиков, шестерёнок и пр. Я тащил домой эти драгоценности и мастерил из них какие-то механизмы. Очень любил сооружать канатные дороги. Но особенно интересной бала свалка гильз от патронов разного калибра, которые привозили с фронта. Иногда появлялись и целые патроны. В сущности это была не свалка, а огромные кучи вдоль железнодорожной насыпи, сгруженные с товарных платформ. В основном там были гильзы от стрелкового оружия: карабинов, автоматов, пистолетов. Я уж не знаю, как их собирали на земле после боёв, но это были стреляные гильзы. Лежали они недолго, их увозили не машинах куда-то на переплавку, и мы ловили момент, торопясь собрать их, пока они не исчезли. Нас интересовали в этих кучах гильзы с целыми капсулями, а так же неиспользованные патроны. Мы раскладывали эти трофеи на рельсы и ждали в засаде, когда пройдёт поезд. Наконец поезд появлялся, и начиналась канонада очередями и одиночными выстрелами. Мы в панике бежали из укрытия, хотя никто за нами не гнался, и лишь машинист грозил из окна паровоза.

1944 год. Я справа.

Вообще мы были предоставлены сами себе и облазили все окрестные пустыри и улочки. Особенно любили реку Ушайку. С каждым разом летом уходили всё дальше от дома. Однажды наша компания – я, брат Зорька, сосед Витька Шашкин и ещё кто-то – решили пропутешествовать вдоль реки. Перешли вброд на другой берег и пошли вверх по течению. Всё

было бы ничего, но где-то через час налетел шквал, небо потемнело, полил сильный дождь с мощной грозой. Спрятаться можно было лишь в редких небольших нишах, вырытых рыбаками в крутом берегу, но они были заняты. Испуга не было, но мы понимали с братом, что порки от матери не избежать. Мы рванули обратно, шлёпая по лужам и глинистой почве. Гроза прошла, и мы подходили к заводу под мелким дождём. При переходе вброд через реку брат потерял матросскую бескозырку и заревел. Когда мы приблизились к посёлку, нас встретила большая толпа во главе с отцом на насыпи железнодорожной ветки. Отец собрал соседей на поиски пропавших детей. На радостях, что мы живы, отец не дал матери провести справедливую экзекуцию в назидание и на будущее.

1943 год. В пятилетнем возрасте меня поместили в детсад, вход в который располагался прямо напротив наших окон. А поскольку подъезд в нашем доме находился с противоположной стороны, мне было удобно выходить из дома в детсад через окно. Это не нравилось маме, а она была очень строгой. Но я пользовался любым случаем, чтобы пролезть через окно. И не только в детсад, но и просто погулять. Сначала в сад идти я не хотел и бастовал, однако, там оказалось много игрушек и особенно машин. Это примирило меня с потерей свободы.

Наш дом в Томске

Детский сад. Вид из окна нашей квартиры

Ноябрь 1944 года у входа в детсад. Я – восьмой слева с погнутой лопаткой.

Время от времени нас, детсадовцев, возили в госпиталь с концертами. Везли нас в открытом кузове грузовика. Мы сидели на скамейках, а ноги болтались, не доставая до пола. В дороге пели. Особенно мне заполнилась песня «Прощай любимый город, уходим завтра в море ...». До сих пор, когда звучит эта песня по радио, в памяти всплывают картины наших поездок в грузовике. В госпитале нас выстраивали в середине большой палаты, а раненые размещались на

кроватях вокруг. Пели мы в основном взрослые песни. Видимо, детских было мало, да и обстановка требовала военной тематики.

К концу войны напряжённость рабочего ритма стала ослабевать. Появились праздничные нерабочие дни и выезды на природу большими компаниями с обязательными пиршеством на поляне, на расстеленной на земле скатерти. Для нас эти поездки были большим событием. На скатерти появлялись редкие вкусности, кроме того, мы использовали любую возможность, чтобы углубиться в незнакомую нам лесную среду. Каждый из нас воображал себя охотником или партизаном, мы разыгрывали сцены встречи с приятелями. Это может показаться странным, ведь жили мы в таёжном крае. Но в то время было не до природы, поэтому лишь нечастые выезды давали представление о тайге. Благодаря ним у меня появилось и окрепло горячее желание быть ближе к природе.

Помимо основной работы на заводе, отец преподавал в машиностроительном техникуме и работал ассистентом в эвакуированном Московском машиностроительном институте. Кроме того, он привлекал специалистов Томского политехнического института к участию в обсуждениях технологических проблем на заводе. В институте его знали, он пользовался определённым авторитетом как грамотный и высококвалифицированный производственник. Его время от времени приглашали на консультации и просили оппонировать кандидатские диссертации.

ВКВШ при СНК СССР
ТОМСКИЙ
ОБЪЕДИНЕНИЕ ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
имени С.М. КИРОВА
16. мая 1946 г.
г. Томск, Таврический
проспект, 9

Уважаемый Яков Александрович!

Не откажите в любезности прорешивать
приглашению при сем работу тов. В.Г. ШТЕЙН

На тему: "Исследование погрешностей и методы
измерений резьбовых калибров методом 3х пров
"очек" и в случае Вашего положительного
мнения о ней выступить на его защите официаль
ным докладчиком, по поручению дирекции

По поручению дирекции ТПИ

Ученый секретарь
Совета Ин-та А.Б. Метелин / Вететкин /

О П Р А В А

Инженер тов. ВРОДСКИЙ И.И. за время своей работы на
1-м ТИЗ им. Кавалерца организовал научно-исследователь-
скую группу в Центральной Лаборатории и провел ряд весьма
ценных исследовательских работ в области техники измерения
наведенных практическое применение в подшипниковой производ-
ности.

Тов. ВРОДСКИЙ был разработан метод измерения и
контроля измерительных интуиметов и эталонов, интуимет
по методу контроля продукции для цепей, была разработа
шпирале в подшипниковой промышленности с применением
ныи завода, который легла в основу для всех подшипниковых
заводов.

Тов. ВРОДСКИЙ разработан были новые методы измерения
эталона без применения оптических приборов (оптиметров),
которые имеют высокую оценку Государственного института мер
и измерительных приборов.

Тов. ВРОДСКИЙ был перенесены и расширены данные
на изготовление эталонов на ТИЗ, что дало большой экономи-
ческий эффект.

За время своей работы тов. ВРОДСКИЙ был неоднократно преми-

14/15 1946

ДИРЕКТОР ЗАВОДА ТИЗ-5

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Инженер ВРОДСКИЙ Илья Николаевич старший инженер завода после
эвакуации в г. Томск занимал последовательно различные должности
от Начальника Центральной Лаборатории до пом. Главного инженера -
Начальника Отдела Подготовки Производства.

Тов. ВРОДСКИЙ инициативный, энергичный, работоспособный и
дисциплинированный работник. Очень много осуществлял организации завода
и в частности дела эвакуации, после эвакуации в г. Томск.
Инженер-руководитель инженер - механик тов. ВРОДСКИЙ в значительной
степени осуществил эвакуацию завода на технику на завод.

Тов. ВРОДСКИЙ инициативный инженер-исследователь, активный руководи-
тель имеет ряд внедренных рационализаторских предложений действ-
ственных экономический эффект. Свои знания тов. ВРОДСКИЙ систематически
передает рабочим и ИТР обучил значительное количество работников.

Тов. ВРОДСКИЙ отличный педагог - ассистент Московского Машиностро-
ительного Института непосредственно по совместительству педагогическую
работу по специальным техническим дисциплинам в Институтах и Техникумах
Литинги обязанности тов. ВРОДСКИЙ исполняет дисциплинированным
членом партии.

ДИРЕКТОР ЗАВОДА ТИЗ-5
ПАРТИОБРАЗОВАТЕЛЬ
14/15 46.

ОБЩЕВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На инженера ВРОДСКОГО Илья Николаевича, 1904 г. рожда.,
уроженца гор. Киева, члена ВКП/б/ с 1945г.

Тов. Вродский работает в Машиностроительном техникуме им.
Дзержинского / при ТИЗ-1 - Москва / с 1938года по совместительству
преподавателем читал курсы: "допуски, технические измерения и
измерительный инструмент", "обработка металлов резанием", "ор-
ганизация производства" - В связи с эвакуацией завода и тех-
никума в Томск тов. Вродский возобновляет свою педагогическую де-
ятельность в Томском Машиностроительном техникуме в 1942 году
читая те-же предметы.

За время своей работы в техникуме тов. Вродский рекомендо-
вал себя квалифицированным, опытным преподавателем, настояча-
но, систематически повышал свой уровень знаний, не удовлет-
варился достигнутым. Третье место и себе и у студентов. Имеет
большой авторитет у всего коллектива техникума. В изложении кур-
са не имеет застойных форм, иногда в год объявляя как содержание,
тав и методику.

Вудучи совмесителем, их жизнь техникума, активно откликался
на все вопросы как академические, так и общественно-политические.
ВЫСОК удовлетворен преподавателем техникума по
специальным дисциплинам. Полезно в дальнейшем использо-
вать на руководящей работе в техникуме.

ДИРЕКТОР ТЕХНИКУМА
14/15 1946.

Сразу после окончания войны родители засобирались возвращаться из эвакуации в Москву. В Москве у нас была бронь на нашу квартиру по *ул. Шарикоподшипниковая, Ст. городок, дом 48, кв.11*. Однако возникли серьёзные проблемы. На заводе не хватало инженерных кадров и опытных специалистов. С фронта возвращались люди без образования, подготовка специалистов требовала нескольких лет. На инженерных должностях оставались «практики» без высшего образования. Во время войны отцу настойчиво посоветовали вступить в партию, так как без партийности продвижение по службе было невозможно. И вот в виду дефицита инженерных кадров дирекция завода поставила условием увольнения исключение из партии (увольнение после того, как «партбилет будет положен на стол»). Исключение из партии равносильно поражению в правах. Ни о каких квартирах, инженерных должностях не могло быть и речи. Выбора не было – с Москвой надо было временно распрощаться.

1945г. Отец получил медаль «За доблестный труд». За три года заметно полысел

Шёл 1946 год – первый послевоенный год. А тут вдруг объявили послевоенную вербовку на Колыму для работы в системе **Главного управления Строительства на Дальнем Севере (ГУ СДС)**. В системе НКВД СССР в 32 году был образован трест «ДАЛЬСТРОЙ», который организовал дополнительный набор инженерных и рабочих специалистов. Колыма была закрытой зоной под управлением сначала ОГПУ, НКВД, а затем МВД. Туда привозили только осужденных и сотрудников МВД. А небольшой контингент «договорников» - по специальным квотам.

Это была первая вербовка с довоенного времени. Родители решили, что это единственная возможность выбраться из Томской дыры и вернуться в Москву через некоторое время.

Чтобы понять, куда решились ехать родители, мне придётся дать некоторую справку об особенностях территории, которая зовётся Колымой, почему туда вербуют, какие условия жизни на Колыме, каков статус этой территории и какие условия вербовки. Подробное описание истории освоения этого края имеется в многочисленных публикациях, которые легко можно найти в интернете. Я же, экономя время читателя, хочу дать почувствовать огромную разницу в жизни, нравах, обстановке между основной территорией страны и закрытыми территориями, среди которых Колымский край был самым большим.

НА КОЛЫМУ!

Чтобы иметь представление о том, куда собрались ехать родители, необходимо дать краткую справку об особенностях жизни и быта в этом удалённом крае. То, что звалось в народе «Колымой», было закрытой зоной, куда можно было попасть только по специальному разрешению. Таких территорий в стране было много, например, Норильская зона, Печёрская зона и т.д. Но Колымский край – территория треста "Дальстрой" - отличался масштабом, удалённостью и полной административной и хозяйственной самостоятельностью. Это была автономная страна, ничего не производящая для поддержания жизни и производства, но расплачивающаяся за своё благополучное существование золотом, урановой рудой, вольфрамовым и оловянным концентратами, серебром и прочими дарами подземелья. При этом главным и основным производителем этого богатства были крепостные - вольнонаёмные и рабы - заключённые. Выезд из территории Дальстроя был возможен только с разрешения органов. Переход с одной работы на другую без потери стажа - тоже только по согласованию.

ДАЛЬСТРОЙ

Государственный трест «Дальстрой» был создан решениями ЦК ВКП(б) 11 ноября и СТО СССР 13 ноября 1931 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) О КОЛЫМЕ ОТ 11.XI.31 г.

Для формирования золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). Наблюдение и контроль за деятельностью треста возложить на т. Ягоду. Для непосредственного руководства всей работой треста назначить директором тов. Берзина с пребыванием его на месте.

.....
Для обеспечения выполнения установленной программы провести следующие мероприятия:
.....

«.....Поручить т. Ягоде систематически проверять фактически направляемые в Нагаево продовольствие и промтовары.

3. Обязать ОГПУ немедленно создать специальный аппарат для обслуживания Колымского треста и направить в Колыму дивизион войск ОГПУ в 150 штыков.

4. Поручить т. Ягоде, т. Ежову, т. Енукидзе и т. Крутову разработать льготы, которыми будут пользоваться как заключённые переселенцы, так и добровольцы за хорошую работу на Колыме (сокращение срока наказаний, восстановление в правах гражданства, обеспечение семей добровольно уехавших, повышение оклада и т. д.). Созыв комиссии за тов. Ягодой.

.....
Подпись:
И.В. Сталин

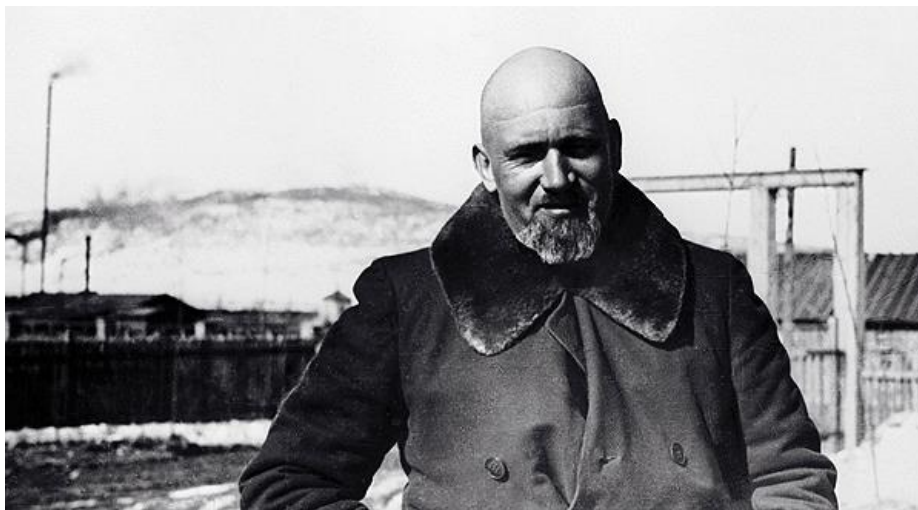
Дальстрой получил всеобъемлющие полномочия по управлению жизнью огромной территории. Его директор (Э.П.Берзин), помимо руководства собственно промышленным и дорожным строительством, выполнял обязанности по административному управлению подведомственными районами как уполномоченный Далькрайисполкома и обязанности руководителя парторганизацией в районе деятельности «треста» как уполномоченный Далькрайкома ВКП(б).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЕРВОМ «ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРЕ» КОЛЫМЫ БЕРЗИНЕ – ЛИЧНОСТИ ЛЕГЕНДАРНОЙ.

Эдуард Петрович Берзин родился 19 февраля 1894 года в Старо-Пебальской волости Латвии в крестьянской семье. С 5-летнего возраста вместе с родителями жил на окраине Риги, учился в городской школе. 14-летним мальчиком стал изучать малярное дело. В 1910 году уехал в Германию, где окончил Берлинское королевское художественное училище. Вернулся в Латвию и был призван на военную службу. С 1915 года в составе 4-го Видземского латышского стрелкового батальона участвовал в боях на фронтах первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом 4-й степени. После Октября участвовал в формировании первого артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой советской дивизии, а затем стал его командиром. Летом 1918 года сыграл решающую роль в подавлении левозсеровского мятежа в Москве и разоблачении заговора Локкарта. В ноябре 1918 года принят в ряды большевистской партии. В составе Латышской стрелковой советской дивизии сражался с белогвардейцами на Западном, Юго-Западном и Восточном фронтах. С февраля 1921 года в органах ВЧКОГПУ, потом возглавлял строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, а в ноябре 1931 года назначен первым директором государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы "Дальстрой", сообщает <http://magadan.monavista.ru>

Вот что пишет о нём Варлам Шаламов

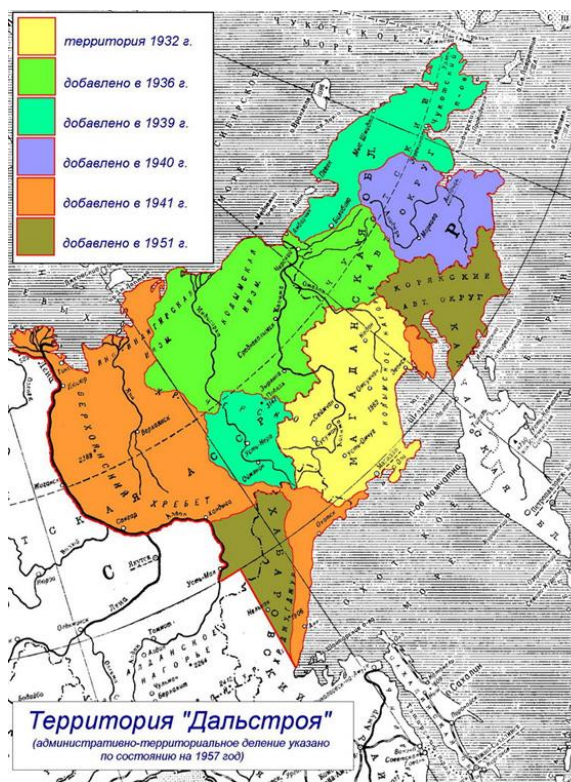
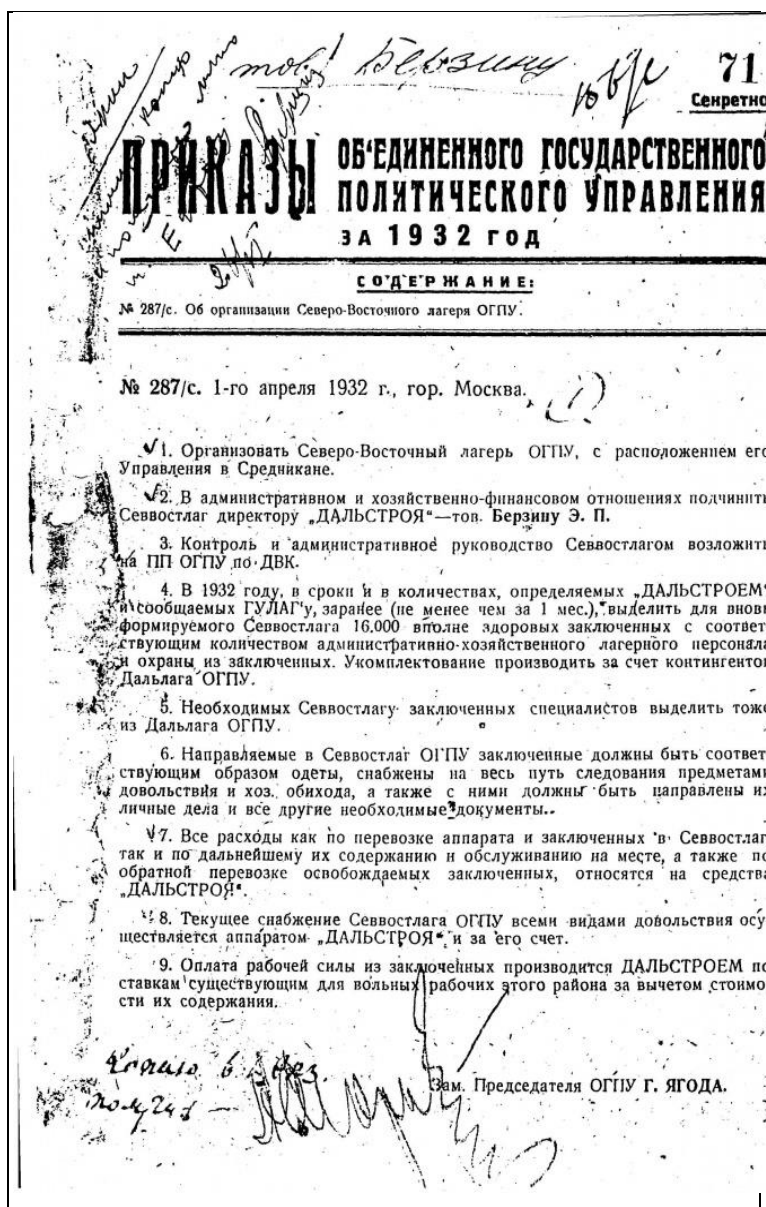
«Первый колымский начальник с правами высшей партийной, советской и профсоюзной власти в крае, зачинатель Колымы, расстрелянный в 1938 году и в 1956 году реабилитированный, бывший секретарь Ф.Дзержинского, бывший командир дивизии латышских стрелков, разоблачивший знаменитый заговор Локкарта, — Эдуард Петрович Берзин пытался, и весьма успешно, разрешить проблему колонизации сурового края и одновременно проблемы „перековки“ и изоляции. Зачёты, позволявшие вернуться через два-три года десятилетникам. Отличное питание, одежда, рабочий день зимой 4—6 часов, летом — 10 часов, колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми. В перековку блатарей Эдуард Петрович не верил, он слишком хорошо знал этот зыбкий и подлый человеческий материал. На Колыму первых лет вора́м было попасть трудно — те, которым удалось туда попасть, — не жалели впоследствии. Тогдашние кладбища заключённых настолько малочисленны, что можно было подуматъ, что колымчане — бессмертны»^[10].

Первый начальник Дальстроя Эдуард Берзин.

Перед отъездом в Москву по вызову из НКВД он подписал свой последний приказ № 391: «Прибывшего из НКВД СССР, назначенного моим заместителем... тов. Павлова считать прибывшим к месту службы и приступившим к работе с 1 декабря 1937 года».

С самого начала своего существования трест стал экстерриториальной организацией, подчинявшейся непосредственно высшему партийно-государственному руководству. Масштабы территории его деятельности возросли с 400-450 тыс. км² в 1932–1935 годах до 2266000 км² в 1941 г. (1/10 территории СССР 1940 г.) и до 3 млн. км² в 1953 году, что составило более одной седьмой части всей территории страны.

Для обеспечения работ **Дальстроя** на Колыме в апреле 1932 г. был создан **Севвостлаг ОГПУ**, который, тем не менее, от ГУЛАГа получал лишь контингенты заключенных и подчинялся ему по вопросам режима их содержания. Фактически же главком по отношению к Севвостлагу являлся **Дальстрой**, с самого начала своей истории ставший производственно-лагерным комплексом. Использование методов штрафной колонизации отдаленных окраин, характерное для дореволюционной России, стало имманентной чертой деятельности **Дальстроя** на всем протяжении его истории.

Увеличение масштабов экономических задач, решавшихся НКВД СССР во второй половине 1930-х годов, привело к передаче **Дальстроя** в ведение этого всемогущего ведомства (**март 1938г.**) и его реорганизацию в **Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой» (ГУ СДС)** – территориально-производственный главк, в составе которого лагерь был одним из многих управлений.

Заключенные на Колыме в указанный период ежегодно составляли не менее 82 % всех работников **Дальстроя**, за исключением 1932 года (76%) когда **Дальстрой** только приступил к деятельности на Колыме, и полувоенного 1941 года – 70,4%. Ежегодный прирост численности контингентов Управления Северо-восточным ИТЛ примерно совпадал с темпами прироста общего количества работников. На конец 1932 года здесь находилось 9928 лагерников, 1936 г.– 62703, 1939 г.– 163475, 1941 г.– 148301. Заключенные, работавшие на предприятиях **Дальстроя**, в конце 1939 года составили уже 12,2 % от среднегодовой численности заключенных во всех лагерях НКВД, что вывело УСВИТЛ в число наиболее крупных лагерных комплексов.

В 1952 году **Дальстрой** был реорганизован в Главное управление лагерей и строительства Дальнего Севера МВД СССР (ГУЛ и СДС), что явилось следствием желания властей ужесточить руководство социально-экономическим развитием региона в условиях явно проявившегося кризиса социальной и производственной инфраструктуры, сформированной в 1930–1950-х годах.

Наибольшее количество подразделений **УСВИТЛа** имело производственный характер, для чего была введена трехуровневая система лагерных подразделений: отдельный лагерный пункт (ОЛП) – подОЛП – командировка. Статус каждого лагерного подразделения, управлявшегося по принципу единоначалия руководителем конкретного производственного предприятия и управления **Дальстроя**, зависел от целей создания, объемов производства и масштабов их деятельности. Заключенные также делились на три категории в зависимости от степени их трудоспособности: группа «А» – занятые на основных и вспомогательных работах; группа «Б» занималась обслуживанием лагерей (лагерная обслуга); группа «В» состояла из неработающих заключенных, прежде всего, больных.

На Колыме период 1930–1937 гг. может быть охарактеризован относительно мягким, в целом, режимом содержания и трудового использования лагерников. Но уже в 1938 г. произошел

значительный перелом, связанный событиями «большого террора». Если в начале 1937 г. в подразделениях **Дальстроя** лагерников с бытовыми статьями (наиболее трудоспособная часть лагеря) состояло 48% от всего состава, то уже в начале 1938 г. их число снизилось до 12 %. Колыма быстро превращалась в политическую каторгу, а передача **Дальстроя** в ведение НКВД привела к значительному ужесточению положения заключенных. Администрацией в этот период стало особенно поощряться противопоставление «социально-близких» лагерников (бытовиков) так называемым «врагам народа», что еще больше осложняло положение последних.

Вольнонаемные кадры **Дальстроя** формировались в это время тремя основными способами: вербовка договорников на 2-3 года работы на Колыме; направление на Колыму и Чукотку военнослужащих для прохождения службы; закрепление, зачастую принудительное, в регионе освобождавшихся заключенных. Численность вольнонаемных работников здесь в конце 1932 г. составила 3125 чел. (или 24 % от всей численности рабочей силы), 1935 году - 5700 чел. (11,3 %), в 1939 году - 26351 чел. (13,9 %), 1941 году - 62373 чел. (30 %).

За годы войны в Дальстрой прибыло только 160 человек договорников. К концу 1945 г. из общего числа около 9 тыс. специалистов (лиц с высшим образованием), только 8 % работало здесь менее 4 лет, 42 % работало по 4-5 лет и 50 % по 6-8 и более лет. За счет освобождавшихся заключенных общее количество вольнонаемных работников ГУ СДС выросло с 62,4 тыс. человек в 1941 году до 101,6 тыс. в 1945-м. Соответственно, специалисты составляли менее 10% численности вольнонаёмных и менее 3% всей численности рабочей силы на Колыме.

Заработные платы вольнонаемных дальстроевцев были в целом значительно выше, нежели в других районах страны, договорники обладали значительным количеством дополнительных льгот и преференций.

Вербовали на Колыму для работы в системе **Главного управления Строительства на Дальнем Севере НКВД СССР - «ДАЛЬСТРОЙ» - ГУ СДС** всего около года сразу по окончании войны. Колыма была закрытой зоной под управлением сначала ОГПУ, НКВД, а затем МВД. Туда привозили только осужденных и сотрудников МВД. А небольшой контингент «договорников» - по специальным квотам.

С 1932 по 1953 годы в лагеря Колымы было завезено **740 434** человека. В последующие годы доставка заключенных на Колыму являлась незначительной, а в последние годы эта практика вообще прекратилась. Из архивных документов, научных публикаций видно, что это цифра до 1957 года, т.е. до упразднения Дальстроя, не превышала **800 000** человек. (в среднем по 37 000 человек в год). Из них по документам ведомственных архивов Магаданской области, считаются умершими **120-130 тыс.** человек, расстрелянными – **около 10 тыс.** человек. Конечно, это не те голословно приписываемые Колыме миллионные жертвы, но вполне достоверная, ужасающая цифра.

По данным на 1 января 1946 года, состав рабочей силы в различных лагерях и строительствах [Дальстроя НКВД](#) был следующим:

Всего — 167 686 человек, из них:

ИТР, служащие и вольнонаемные рабочие, — 11 201 (6,7%);
военизированная пожарная охрана (вольнонаемная) — 9 775 (5,8%);
мобилизованные [немцы](#), [финны](#), румыны, [венгры](#), [итальянцы](#) — 645 (0,4%);
спецпереселенцы — 28 526 (17%);
бывшие заключенные, оставленные на работе по вольному найму, — 44 260 (26,4%);
заключенные (включая каторжан) — 69 289 (41,3%);
военнопленные — 3 990 (2,4%);

Колымская земля была как большой остров, к которому практически не было сухопутной дороги, его снабжение осуществлялось только морским путём. Причём этот морской путь замерзал каждый год на долгие шесть месяцев. Поэтому укоренилось называть остальную часть страны Материком. Вновь прибывающую рабочую силу всех категорий доставляли так же пароходами. До 1954 года для поездки вольнонаёмных в отпуск и обратно использовались пароходы до Находки, а затем железнодорожным транспортом. Специалисты летали самолётами. В конце 40х годов появились новые типы самолетов – "ИЛ-12", которые начали летать с аэродрома, расположенного на 13-м км трассы по маршруту "**Магадана – Хабаровск**" с посадками в **Охотске, Николаевске-на-Амуре и Комсомольске-на-Амуре**.

Первые же регулярные рейсы **Москва – Магадан**, совершаемый самолетом ИЛ-14 (крейсерская скорость, 345 км/ч; дальность полёта, 1250 км), были открыты 10 марта 1954 года через Якутск. Рейс до Москвы занимал 48 лётных часов, при этом самый дальний беспосадочный перелёт проходил до Якутска (1170км) и занимал около четырёх часов.

ГЛАВА 5. ЛЕЖАЛ ВПЕРЕДИ МАГАДАН, СТОЛИЦА КОЛЫМСКОГО КРАЯ

Таким образом, нам предстояло жить в замкнутой зоне в отрыве от остальной страны со специфическими условиями существования: и материальными, и административными, и моральными. Большая VIP-шарашка. Не скрою, материально договорники жили в этой зоне значительно лучше жителей материка. Местная администрация стремилась максимально благоустроить своё существование и, как обычно в этих случаях, довольно много перепало холопам - договорникам, составлявшим 10% - 12% населения Дальстроя. Ещё столько же было вольнонаёмных, освободившихся из заключения, но не имевших права на выезд за пределы зоны на материк и не имевших многих льгот договорников. Рядом с ними, но под конвоем работали десятки тысяч рабов - 80% населения Колымы.

Наиболее пагубными были моральные издержки общества - снижение нравственной барьеров "свободных" людей. Люди быстро привыкали к многочисленным колоннам под конвоем, которые проходили с вновь прибывших пароходов через город в период навигации, развод на работы под конвоем, заключённые врачи, артисты, технический персонал в учреждениях и даже в школе. У "свободных" людей была уверенность, что существование заключённых и бывших З/К вокруг и рядом - есть норма жизни. И, конечно, это люди составляют низшую касту и никаких открытых контактов с ними не поощрялось. Их сторонились, они были изгоями. Основная масса "свободного" населения с удовлетворением придерживалась удобной версии: "без дела не сажают". В нашей семье эта тема не обсуждалась. Следует отметить весьма

красноречивый факт: с одной из двух соседских семей нашей коммунальной квартиры, с бывшими З/К из Прибалтики, на протяжении трёх лет совместной жизни никаких контактов не сложилось! Я полагаю, родители чувствовали себя под контролем вторых соседей - боялись осуждения. Да и сами прибалты не стремились к контактам.

Чувствовалась отчуждённость, подчёркнутое нежелание сближаться. Помню, только единожды мама послала меня за солью к соседям. Комната была очень аккуратно обставлена с большим ковром на стене.

Хочу упомянуть ещё один эпизод. Уже после 56 года у меня случился разговор с отцом моего одноклассника, который был директором Дома пионеров в Магадане, Ухатиным Николаем Романовичем в его доме в Москве. На моё замечание о невинности заключённых с 58 статьёй (организация и участие в антисоветских действиях) он привёл историю примы балерины Большого театра Н.А.Гамильтон, которой во время её бенефиса в её гримерной иностранная делегация, пришедшая с поздравлениями, передала шифровку, спрятанную в мундштуке папиросы. Это заметила и донесла уборщица.

Заключил он словами: "А ты говоришь, они не виновны!" Действительно, Гамильтон была репрессирована и находилась в Магадане. Работала она в труппе Магаданского театра. Этот факт описан в интернете.

Другим моральным падением "свободных" колымчан было чувство их собственного превосходства над жителями материка, связанное со значительными льготами и большими деньгами, которые они вывозили каждые три года во время продолжительного отпуска. В большинстве случаев эти деньги проедались и пропивались в течение полугодового безделья и затем договор продлевался на следующие три года. Следствием привилегированности договорников явилось их явно проявляющееся уважение к Сталину и советскому периоду. Этим отличались и мои сверстники-одноклассники, следующее поколение колымчан. После окончания школы отроков вывозили на материк поступать в вузы без конкурса. Поступившие в институты студенты с хорошим содержанием обычно не утруждали себя учёбой. Деньги и свобода от родительского глаза не оставляли времени на учёбу. Конец стандартный - исключение и, если не удаётся откупиться, армия. И при этом в нашей школьной среде господствовал дух неуважения к общественной работе, к "выдвиженцам". Старост класса, комсоргов, вожатых и прочих активистов называли презрительно "патриотами".

Уже много лет спустя при встречах с выпускниками нашей школы у меня не раз возникали дискуссии на "сталинскую тему". И всегда ощущалась острая ностальгия по прошедшим временам и сакраментальное: "без дела не сажают".

Родители решили воспользоваться возможностью вырваться из Томска и завербовались на 3 года, с тем, чтобы через три года вернуться в Москву, накопив достаточно денег для обустройства. Идея перспективная, вполне реальная, по слухам реализованная кем-то. Знакомство с условиями вселило уверенность в осуществимости проекта. На переезд давали подъёмные, оплачивали транспорт, багаж и обещали жильё в Магадане. Договора заключили оба: и отец (старшим инженером) и мама (старшим ревизором). Сохранился второй экземпляр договора отца. В нём содержится много интересных подробностей той жизни. Например, адрес *постоянного места жительства: Москва, ул. Шарикоподшипниковая, Ст. городок, дом 48, кв.11.*

Индивидуальный трудовой договор № 42
г. Томск 17. Июня 1946 г.

Главное управление Строительства на Дальнем Севере НКВД СССР «ДАЛЬСТРОЙ» и лице уполномоченного капитана Сидорова Ивана Павловича одной стороны и гражданин Пророков Аков Израильевич имеющий постоянное местожительство г. Москва ул. Валковладимирская Ст. городок № 48 кв. 11 именуемый в дальнейшем «наивышедший», с другой, — заключил настоящий трудовой договор а следующим:

1. Наивышедший, поступающий на работу в Дальстрой на должность Стр. Магистр производственного отдела 2-й с.с. г. Магадан обязуется проработать в системе Дальстрой на Крайнем Севере в продолжение трех лет.

Датой поступления наивышедшего в Дальстрой считается день выезда наивышедшего к месту работы.

Срок работы на Крайнем Севере увеличивается со дня прибытия наивышедшего на территорию деятельности Дальстрой.

2. В соответствии с существующими в Дальстрое ставками заработной платы, наивышедшему устанавливается должностной оклад (тарифная ставка) в размере 2300 рублей в месяц.

3. Через каждые шесть месяцев работы на Крайнем Севере наивышедшему выплачивается 10% надбавка к получаемому должностному окладу (тарифной ставке). При повышении или понижении получаемого наивышедшего оклада, — соответственно уменьшается и размер выплачиваемых процентных надбавок. Общая сумма процентных надбавок не может превышать 100% оклада (тарифной ставки).

4. В связи с поступлением на работу в Дальстрой и проездом к новому месту работы, — Дальстрой выплачивает наивышедшему:

а) Единовременное пособие (подъемные) в размере двухмесячного должностного оклада (тарифной ставки), указанного в § 2 настоящего договора, — за самого наивышедшего и по одной четвертой части пособия, полученного самим наивышедшим, — за каждого члена его семьи.

б) Заработную плату на расчете 50% должностного оклада, указанного в § 2 договора, за время нахождения в пути от места найма до бухты Нагаево и дополнительно за 3 дни сборов в дорогу. Со дня прибытия в бухту Нагаево зарплата выплачивается из расчета полного должностного оклада (ставки).

в) Суточные за время нахождения в пути до бухты Нагаево из расчета 1/30 должностного оклада (тарифной ставки), но не свыше 20 руб. в сутки.

При этом день выезда и день приезда считаются за один день.

г) Стоимость проезда к месту работы самого наивышедшего и члена его семьи по железной дороге — стоимость билета и плацкарты в Маг. Колье вагоне железнодорожного поезда и на пароходе — стоимость билета каюты первого класса.

д) Стоимость провоза багажа по его фактическому весу, но не свыше 240 кг на самого наивышедшего и 80 кг на каждого переживающего члена его семьи. Стоимость провоза багажа должна быть документально подтверждена.

Примечания. 1. При выезде наивышедшего к месту работы ему в счет причитающихся по проезду сумм выдается аванс в размере 75%. Окончательный расчет производится по прибытии наивышедшего на место работы на Крайнем Севере.

2. Оплата подъемных и расходов по проезду члена семьи наивышедшего производится ко времени их фактического проезда.

3. Наивышедший обязуется выехать к месту работы не позднее 5. Июля 1946 г.

6. Направление наивышедшего на работу в то или иное предприятие Дальстрой производится Отделом кадров Главного управления Дальстрой в г.р. Магадане и оформляется выданным соответствующим документами-путевки.

7. Дальстрой в праве переводить наивышедшего из работы, по его специальности, из одного предприятия Дальстрой в другое, не выходя из должностного оклада (тарифной ставки). При таком переводе, связанным с переводом в другое место, наивышедшему выплачиваются компенсации, предусмотренные утвержденными для Дальстрой положениями.

8. Наивышедший по своей специальности и характеру работы относится

Паспорт № 0-0167414 выданный Г.О. Ойе-сане-а Ишимаев А. Аманжол отделением милиции 1941 г.

Перечень иждивенцев — членов семьи наивышедшего (на основании справки домоуправления):

- Сестр. Дордэкиевы Кювэй Аманжол 1938 г.
- Сестр. Дордэкиевы Саранжол 1938 г.
- _____
- _____

Направ на работу в соответствии с планом вербовки на 194 г. раздела № 6 порядковый № 233

Подпись лица, оформлявшего договор И. Ишимаев

Аванс на проезд выдан в сумме 7600 руб

Семис тысяча шестисот руб (прописью)

6. Июля 1946 г.

Бухгалтер Кривичев

Один экземпляр договора получил А. Пророков

18. Июня 1946 г.

ВЛ-107-6. Зак. 668. Тир. 2000.
Телефографическая станция «Советская Колыма», г.р. Магадан

Договор составлялся сроком на 3 года и устанавливался должностной оклад в размере 2300 рублей в месяц. (В то время как в 1946 г. средняя зарплата по СССР составляла 520 рублей). Через каждые 6 месяцев оклад увеличивался на 10% за счёт надбавки. Общая сумма надбавок ограничивалась 100% через 60 месяцев – т.е. через пять лет отец должен был получать в месяц почти в 10 раз больше среднестатистического работника Материка. Наивышедшему выплачивалось единовременное пособие (подъемные) в размере 2-месячного оклада и по ¼ оклада на каждого члена семьи. Аванс выделялся в размере 75% от общей суммы + дорожные 1532 руб. Это составило 7600 руб. По тем временам сумма весьма значительная. Кроме того, оплачивался проезд по железной дороге в мягком вагоне и в каюте 1-го класса на пароходе.

Начались сборы в дорогу. По совету бывалых людей отец изготовил на заводе две ёмкости из жести объёмом по 10 литров, заполнил их мёдом и запалял. Были взяты и другие продукты, в частности, сухофрукты и чеснок против цинги. Собрали все вещи и посуду, которая нашлась в Куйбышеве. Все вещи были отправлены малой скоростью. То, что невозможно или не целесообразно везти, роздали соседям. Например, то, что принято называть мебелью: самодельные или кустарные стулья, стол, шкаф для одежды, сколоченный в столярке завода, солдатские кровати и т.д. (В Магадане дали пустую комнату и "мебель" с большим трудом пришлось восстанавливать.)

Где-то в начале июля тронулись в путь. Дорога состояла из двух частей: из Томска до Владивостока по железной дороге с пересадкой на станции Тайга, а затем от Владивостока до Магадана на пароходе.

Небольшой перегон до станции Тайга проехали в плацкартном вагоне в течение одного дня без затруднений. Проблемы начались в Тайге. Нам было положено отдельное купе в мягком вагоне, но получить его было чрезвычайно трудно. Необходимо было купить билет в отдельное купе в проходящем поезде, который формировался где-то ранее. Предварительной продажи на проходящие поезда не было. Наличие свободных мест обнаруживалось лишь по прибытии поезда. Эту проблему отец решил, потребовав от начальника станции позвонить в Омск и забронировать купе в поезде, формировавшемся в Омске. Известно из семейных легенд, что ему пришлось связываться с местным МВД-шным начальством и при этом воспользоваться справкой, которая свидетельствовала лишь о том, что он является сотрудником Дальстроя МВД. Благо, на этой бумаге стоял штамп «ДАЛЬСТРОЙСНАБ МВД» и печать. Этой бумагой он размахивал перед носом измотанного начальника станции, который на этой узловой станции не вылезал из проблем круглые сутки. Упомянутое ведомство, подтверждённое печатью(!), в те времена пользовалось большим "уважением" и особенно, если рядом маячила Колыма.

Тем не менее несколько дней мы просидели на вокзале. Вокзал на станции Тайга был небольшим. С нами была вместительная самодельная сумка и два чемодана. Причём один чемодан был немецкий, огромных размеров с деревянными поперечными рейками. Величали его КОВЕР. Этот чемодан доставлял особое неудобство всем и в первую очередь нам самим, поскольку занимал много места в небольшом помещении вокзала, на которое можно было по праву рассчитывать семье из четырёх человек. В отсутствие старших охрана багажа поручалась нам с братом, и неуважительное отношение к этому чемодану приходилось на нашу голову. Этот чемодан сохранился и затем использовался в качестве сундука.

Наконец билеты были получены, и началась подготовка к погрузке. И опять проблема с супер-чемоданом, который не входил ни в одну дверь в горизонтальном положении. Поднять его одному человеку было не под силу. Особенно трудно было водрузить его в купе. После небольшой дискуссии с начальником станции решили везти его в багажном вагоне. Нам с братом это было большим облегчением.

В купе мы с братом оккупировали верхние полки и были счастливы. Поезд шёл неспешно, и мы сверху любовались видами открывающихся пейзажей и городков. Мы впервые познакомились со своей страной, с теми местами, которые мама уже проезжала. Поезд останавливался на разных небольших станциях, где вдоль поезда сновали многочисленные продавцы различной снеди. Еда была довольно разнообразная. В то голодное послевоенное время ее обилие удивляло. Была вторая половина лета. Ассортимент богатый: варёная картошка, овощи, ягоды, молоко и молочные продукты, много рыбы в разных видах, пироги, пирожки и прочая выпечка, но не было фруктов. Каждая остановка – маленькая радость. Деньги у родителей были, и мы после

голодных лет в Томске наслаждались изобилием еды и, не стесняясь, не ограничивали себя в деликатесах.

Мне пришлось трижды после школы в конце пятидесятых годов проделывать этот путь, и должен заметить, что картина за десять лет не изменилась. Тот же ассортимент, та же толпа продавцов. С едой проблем не было. Очевидно, выручали подъёмные. И это в то время, когда (люди старшего поколения помнят) в стране свирепствовал голод. Особенно трудно было в 1947 и 1948 годах.

Частенько поезд останавливался перед семафором в чистом поле, и пассажиры выходили подышать воздухом, размяться и нарвать полевых цветов. Выпрыгивали и мы с братом, несмотря на запреты. Особой опасности не было, так как нас, малышей (шести-семилетних), заталкивали обратно в вагон в первую очередь, к тому же поезд набирал скорость очень медленно, собирая пассажиров, скапливающихся у дверей. Вагоны в то время были старой конструкции, их двери легко открывались, так что пассажиры во время движения любили сидеть на ступеньке у открытой двери, спасаясь от июльской жары. Надо сказать, за это удовольствие иногда приходилось платить: временами дым от паровоза проносился вдоль поезда и осыпал любителей свежего воздуха горстями крупной сажи.

По степени привилегированности транспорт на Колыму в 1946 - 1947 годах для командировочных и отпускников делился на ряд категорий. Наивысшей была авиация. Самолётом пользовались лишь представители высшей власти. В те места, куда добраться самолётом было невозможно, они добирались вагонами СВ. Мягкие вагоны предназначались чиновникам высокого уровня, старшим офицерам, а так же старшим и выше инженерам. В нашем вагоне, таким образом, ехала вполне приличная публика: часто к нам в купе заходили солидные мужчины, очевидно, их привлекала мама – женщина красивая и раскованная в общении. Особенно подолгу задерживался какой-то генерал, на голову которого как-то «случайно» упала подушка, которую я уронил с верхней полки. От мамы влетело так, что помню до сих пор.

При подъезде к Хабаровску мама очень волновалась. Прошло всего 14 лет с тех пор, как она уехала оттуда, но как много было пережито! В купе говорили о Дальнем Востоке, прошлой жизни мамы в этих краях. Мне было 7 лет и я живо лез в разговоры со своими вопросами. Оказывается, до войны здесь было много китайцев и корейцев. В войну их всех выселили, и на полустанках их не встретишь – торговцы только русские. Взрослые обсуждали атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки. Рассказывали, будто от радиации люди тают, приводили прочие будоражащие воображение подробности. Но доподлинно никто ничего не знал – это были одни домыслы.

Во Владивосток приехали рано. У нас было достаточно времени осмотреться и заняться гостиницей. Во Владивостоке была Дальстроевская гостиница, в которую нас и поместили. Гостиница располагалась на крутом спуске к морю. Расположившись в номере, пошли осматривать город, но прежде всего, конечно, к морю. Ведь до этого мы с братом моря никогда не видели, и нам не терпелось попробовать его на вкус. Берег оказался неухоженным и довольно грязным, в море у берега плавало много мусора.

Следующей целью нашей экскурсии был рынок. Он находился недалеко от гостиницы и в это время ещё был открыт. Рынок произвёл совершенно ошеломляющее впечатление. Мы не раз бывали на рыночке в Томске – любили покупать там кедровые орехи и жвачку, сделанную из кедровой смолы. Зимой мама покупала там мороженое молоко, формой которому служили миски. Базар во Владивостоке был гораздо больше Томского, да и гораздо разнообразнее.

Помимо продуктовых рядов, которых было относительно немного, основную часть занимал вещевой рынок, на котором в изобилии, но как-то скрытно, предлагались японские и (или) китайские товары: керамика, фигурки, картинки, одежда. Всё было для нас необычно и непривычно. Особенно живописны были кимоно. Они состояли из нескольких слоёв шёлковой ткани разнообразных цветов и рисунков. Все эти товары попали во Владивосток с вернувшимися военными и моряками. Мама ходила от одной торговки к другой и не могла оторваться от прекрасных расцветок и рисунков кимоно - видимо, решила купить, но никак не могла выбрать. Наконец остановилась на одном и после долгой торговли купила. В Магадане из этого кимоно вышло платье и две блузки. Кимоно покупалось ради дешёвого шёлка и необычных рисунков.

Прожили мы во Владивостоке всего несколько дней, и нам пришлось перебираться в порт Находка, где формировались и грузились пароходы в Магадан и в другие порты Крайнего севера. Туда же собирались договорники и заключённые, которые жили в «транзитках» (транзитных городках).

Пересылочный пункт в бухте Находка (первоначально в структуре **УСВИТЛа** – Управление Северо-Восточных Исправительных ЛагереЙ) действовал с 1938 по 1946 год. Лагерные зоны Транзитки вмещали до 20 тысяч осужденных^[19]. Транзитки делились на Верхнюю Транзитку, Нижнюю Транзитку, лагерь общего режима и женский лагерь. Зона все разрасталась. Подходили новые этапы, собирали новых заключенных. 12 января 1943 года в Находке был открыт уже восьмой по счету подлагпункт - на мысе Астафьева, где к тому времени руками заключенных были вбиты в дно моря первые сваи причала. Сотни зеков грузили здесь на колымские пароходы продовольствие, стройматериалы и взрывчатку. Тысячи зеков погружались здесь на суда «Дальстрой»: «Кулу», «Джурма», «Дальстрой», «Советская Латвия» и «Феликс Дзержинский».

Перед заключёнными все время маячил страшный образ Колымы. Здесь, в Находке, был только пересылочный пункт. Территория зоны представляла собой огромную площадь, огороженную колючей проволокой с многочисленными вышками по периметру. Там собирали тысячи заключенных, в основном, осуждённых по 58-й статье, которых затем распределяли по баракам. Они жили в ожидании парохода подолгу. Очень много людей умирало от воспаления легких, кишечных болезней. Медики не справлялись, заставляли врачей из зеков работать в госпитале. Гибли в этом адском котле в первую очередь инженеры, профессора, артисты, цвет интеллигенции, которых было большинство и которые тяжело переносили условия этапов. "Восьмерка" просуществовала на мысе Астафьева всего 3 с половиной года и была уничтожена взрывом на пароходе "Дальстрой" 24 июня 1946-го - вместе с заключенными. В 1946 году пункт был перенесён из Находки в порт Ванино.

К началу навигации в транзитках скапливалось тысячи заключённых, вывезти их необходимо было к осени. Рейс в Магадан и обратно продолжался от 20 до 25 дней в зависимости от погоды. В среднем за 10 предвоенных лет на Колыму завезли 356000 заключенных: 36000 в год за 35 рейсов, то есть в среднем 1 тысяча за рейс!!!

Транзитки для заключённых и вольнонаёмных не отличались друг от друга ничем, за исключением двух небольших деталей: заключённых кормили, а договорников – нет, и договорники могли выходить за ворота лагеря, а заключённые – нет! Транзитка представляла собой десятки бараков, расположенных регулярным образом, окружённых забором. В гражданской транзитке мы с братом бывали, когда родители ходили в магазин за продуктами.

Транзитка в Находке в 46 году. Хорошо видны вышки.

Барак представлял собой длинное помещение без перегородок, слева и справа которого тянулось два сплошных ряда двухэтажных нар. На нарах располагались семьи договорников в ожидании парохода. Каждая семья одеялами и простынями отгораживала себе жизненное пространство, соответствующее числу членов семьи и представлениями о комфорте. Забраться на нары можно было только со стороны прохода. Грязь и антисанитария были вопиющие. Дети болтались в лагере без особого надзора, так как деться им было некуда. В лагере была столовая и магазин, где переселенцы тратили свои подъёмные, создавая огромные очереди. Ждать погрузки приходилось неделями, а часто и по несколько месяцев. Навигация на север начиналась в апреле-мае и заканчивалась в ноябре: 6-7 месяцев.

Для офицеров МВД была специальная транзитка, условия в которой были значительно лучше. Надо отметить, что военнослужащие МВД на Колыме - это подразделения, осуществляющие охрану заключённых и только. Это привилегированная каста. Военнослужащие МВД обеспечивались казённым довольствием и не смешивались с договорниками. Вот как описывает транзитку военнослужащих войск МВД в Находке весной 1947 года жена офицера МВД.

Жена офицера МВД

В апреле месяце 1947 года все семьи офицеров переехали в бухту Находка в транзитный городок, где жили до начала навигации 14 мая. Несколько огромных барачных корпусов на одной из сопот составляли этот городок. Два яруса нар без клопов и тараканов. Отделялись друг от друга простынями. Посреди барака стояло 3 большие печки-буржуйки, которые в холодное время пожирала очень много дров. На них мы и готовили. Всех офицеров обеспечивали свежим мясом, хлебом, крупами, картофелем, соленой капустой, консервами. Саша договорился с совхозом, и я, как беременная, стала получать свежее молоко. Кухня с огромной печью была построена отдельно.

Нам продуктов хватало, а в городе было голодно. Булка хлеба стоила 160-180 рублей. (на Дальнем Востоке средняя зарплата в 1947 году составляла 830 рублей). Консервы рыбные из лососевых рыб мы не съедали, так как покупали настоящих крабов и рыбу, варили их и жарили.

Мама, увидев безобразные условия в транзитке, сказала отцу, что жить в этих условиях она не намерена! Надо сказать, что в это послевоенное время ощущался острый дефицит инженерных кадров и большинство инженерных должностей на предприятиях занимали так называемые «практики» - специалисты, выросшие из мастеров. Инженер с дипломом Московского ВУЗа, да ещё и с практикой работы на заводе подпадал под категорию дворянского сословия и имел ощутимые льготы и преимущества перед рабочим классом. А именно эта

категория составляла основную массу переселенцев и, соответственно, жителей транзитки. Не знаю, какие дипломатические приёмы использовал отец, но нас поселили на берегу залива в отдельно особняке - помещении полуразрушенного клуба моряков, в котором проживал одинокий сторож из флотских. Здание было полуразрушено и вот почему.

За месяц до нашего приезда, 24 июля 1946 года во время погрузки аммонала в Находке из-за грубых нарушений техники безопасности произошёл взрыв парохода «Дальстрой» (ранее «ALMELO», затем «Генрих Ягода»), который в 1930-х—1940-х годах совершал рейсы из Находки в Магадан, доставляя грузы и заключённых на Колыму. Взрыв повлёк гибель 105 человек, значительный материальный ущерб и загрязнение окружающей среды.

Пароход «Дальстрой»

Как вспоминает Павел Куянецв, старпом "Дальстроя", в тот день пароход стоял у причала мыса Астафьева. У борта судна громоздились штабеля ящиков, мешков, тюков - грузили взрывчатку. Первый трюм был уже полон, и на аммонал, погруженный россыпью, ставили тяжелые ящики. Во второй трюм опускали тротил в резиновых мешках. "Дальстрой" не был оборудован для таких грузов. Капитан судна Всеволод Банкович пытался возмущаться, что нарушаются правила техники безопасности, но все зря...

Наступило время обеденного перерыва. Команда обедала на борту, заключенные-грузчики - на берегу, в лагере, куда их на обед водила охрана. И вдруг отчаянный крик: "Пожар в первом трюме!" Все бросились к месту происшествия. Прямо в середине люка из-под ящиков вилась вверх тонкая струйка дыма. Неожиданно вырвался клуб черного дыма, а за ним столб желтого пламени выше мачт. Палуба заходила ходуном. Пламени было тесно в трюме, и оно с грохотом и ревом взметнулось в самое небо. Люди со шлангами невольно отступили. Последовал приказ капитана: "Ребята! Сейчас же покинуть судно!"

Четыреста тонн тротила в трюме - это малая атомная бомба... Когда отброшенный взрывной волной Куянецв поднялся и оглянулся, берег оказался совершенно голым. Не было ни судна, ни складов, ни зданий, ни деревьев. Только сваи торчали из воды, где был причал, да видна была притонувшая корма парохода. Обернувшись к скале, где были ворота порта, Павел увидел черные кучи. Они шевелились. У подножия куч ручейки образовывали алые озера. Это исходили кровью грузчики-заключенные. Взрыв застал всех у проходной и сбил изорванные тела в страшную массу. У одного была доска в боку, у другого палка в черепе. Одни еще шевелились, другие уже затихли. А алые струи, особенно яркие на черном фоне, все текли и текли. Взрывом была уничтожена «Восьмерка».

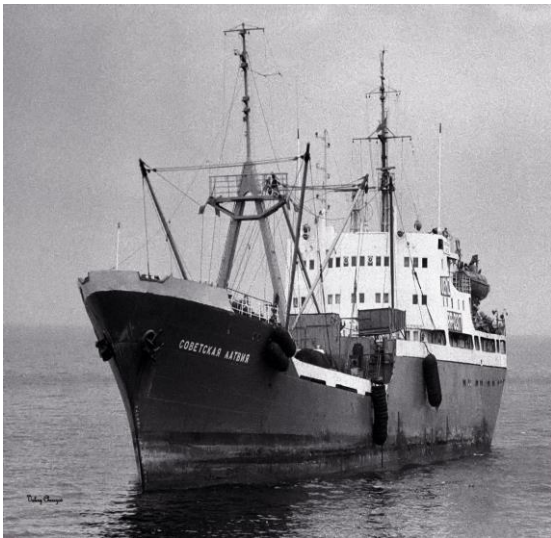
Гражданская транзитка пострадала немного, т.к. находилась за бугром. В результате пожара и взрыва в бухте Находка уничтожен пароход «Дальстрой» и все находившиеся на нём грузы в количестве: взрывчатки — 917 тонн, сахара — 113 тонн, разных промтоваров — 125 тонн, зерна — 600 тонн, металла — 392 тонн, а всего на сумму 9 млн рублей; на сгоревших складах Дальстроя уничтожено различных промышленных и продовольственных грузов на сумму 15 миллионов руб. и взрывчатки на сумму 25 миллионов рублей. Во время взрыва парохода «Дальстрой» убито и умерло от ран 105 человек, в том числе: военнослужащих — 22, гражданского населения — 34, заключённых — 49; ранено и находится в лечебных заведениях 196 человек, в том числе: военнослужащих — 55, гражданского населения — 78 и заключённых — 63.

У клуба моряков снесло пристрой и повредило часть крыши. Стоит он в отдалении от транзитки, никто сюда не ходит. Жить было даже очень неплохо. Освоившись и разложив вещи, мы с братом побежали к берегу. Это было первое море, в котором можно было искупаться. Вода, действительно, солёная. Да ещё и тёплая! Скорее в воду. Под ногами песочек, одежду в сторонку, (благо вокруг никого) и в воду. Плавать мы не умели – негде и некому было учить нас – не до этого в войну. А здесь пологий берег, вода прозрачная, камней нет! Полезли в воду. Вокруг плавают какие-то доски – видимо остались после взрыва «Дальстроя». Доски большие, легко выдерживают, если на них ляжешь. Можно и поплавать. Какой восторг. Но что-то на доске брюхо скользит, что-то липкое. Скорее к берегу. Наконец, выбрались и - О, боже! Весь живот в мазуте! Присмотревшись, видим, что на поверхности прозрачной воды то там, то здесь плавают мазутные пятна. Это последствие взрыва! Конец нашим купаниям, да и у мамы, как всегда в таких случаях, не задержалось - помню до сих пор. А где мыть брюхо? В морской воде мыло не мылится, пришлось одалживать у сторожа керосин. А уж затем пытаться мылом смыть керосиновый запах.

У отца главной заботой в эти дни была борьба за билеты на пароход. На очереди под погрузку планировался небольшой теплоход «Советская Латвия». Отец дни проводил в порту и в каких-то Дальстроевских инстанциях. Сложность состояла в том, что нам полагалась каюта первого класса по договору. Да на другое мама бы и не согласилась. Но среди Дальстроевских судов не было пассажирских, а на грузовых число свободных кают было ограничено.

А мы с братом в это время осматривали окрестности и знакомились со сверстниками из транзитки. Мама занималась нашим питанием и бытом. Мы были свободны и с нетерпением ждали посадки.

Наконец отец невероятными усилиями и настойчивостью получил каюту на теплоходе "Советская Латвия". Надо отметить, что в линейке шести пароходов Дальстроя на первом месте по комфорту был "Феликс Дзержинский", затем шла "Джурма" и на третьем месте числилась "Совлатвия". В первых числах августа мы загрузились. Операция была довольно муторная, поскольку у нас было несколько ящиков багажа. К тому же на теплоход грузили большую партию заключённых, а также военнослужащих МВД и несколько сотен договорников. Погрузка началась утром, мы заселились после обеда, а заключённых грузили уже в темноте. Отчалили ночью, так что процесс отчаливания проспали.

«Советская Латвия» теплоход (бывш. *Hercogs Jēkabs*, национализирован в Латвии в 1940 г.)

Name: Sovetskaya Latviya
Namesake: Soviet Latvia
Operator: Dalstroy
Acquired: 1940
Out of 1967
Renamed: *Sovetskaya Latviya* (1942)
Nickname(s): Sovlatviya

General characteristics

Tonnage: 4,138 gross tons
2,366 net tons

Каюта была тесная, койки в два яруса, как в купе поезда. На высоте второго яруса был расположен один иллюминатор. Под ним столик. Иллюминатор имел стеклянное окно и глухую металлическую заглушку. В каюте работало отопление и поэтому иллюминаторы у нас были постоянно открыты.

Рано утром нас пригласили в каюткомпанию на завтрак! Оказывается, отец договорился и заплатил за полный рацион и мы поставлены на довольствие. Итак, весь рейс мы будем иметь удовольствие находиться в обществе офицерского состава экипажа. Маме такая перспектива тоже пришлась по душе, сгладила накопившуюся за многодневные мытарства усталость. И вот тут я неожиданно осознал, что всю дорогу у меня росло и крепло ощущение надёжности отца, его неустанной заботы обо всех нас. С этого дня я был уверен, что отец найдёт выход из любой ситуации.

После завтрака мы с братом пошли осматривать теплоход. Погода была тихая, тёплая, солнечная. Мы начали с осмотра палубы и всего, что было на ней. Эта первая экскурсия оставила сильное впечатление. На теплоходе было два трюма, заполненные не полностью, так, чтобы в оставшемся пространстве можно было разместить нары в два этажа, на которых поселились "пассажиры" по той же схеме, что и в транзитке. Это помещение называлось "твиндек". На теплоходе было два твиндека: в носовом размещались вольные, в кормовом - заключённые. Носовой твиндек был открыт, вниз вела лесенка, и было хорошо видно, как устроен этот муравейник. Где и как пассажиры питались - не знаю. Не представляю, где были гальюны, как освещалось помещение - меня тогда мало это интересовало. Вокруг и так было много интересного. Но в семье я слышал разговоры о "пассажирах", в основном заключённых. Это был первый близкий контакт с репрессированными.

Между тем на теплоходе жизнь шла своим чередом. Среди заключённых была группа артистов, и капитан организовал для экипажа концерт. Среди артистов выделялись два тенора Незнамов и Приходько. Оба они появились впоследствии в Магаданском театре. Общаться с артистами категорически запрещалось. Да и сам факт концерта на корабле согласовывался с высшим начальством где-то далеко.

Другим всколыхнувшим кают-компанию событием было требование одного из заключённых особого отношения, поскольку он «является внебрачным сыном» Сталина. Капитан, старпом и секретарь парторганизации постоянно общались по рации с различными инстанциями и на всякий случай отделили его от основной массы заключённых, во избежание

инцидентов. По прибытии в порт Нагаево этого парня ждал "воронки" и машины с начальством. Его вывели первым и сразу же увезли. За неимением новостей эти события активно обсуждались.

В проливе Лаперуза мы застряли. В Охотском море бушевал шторм, и капитан принял решение переждать в Японском море. Тем не менее качка была ощутимой. Началось с того, что в наш открытый иллюминатор долбанула волна и обрушила кубометр морской воды в каюту. Отец бросился задривать иллюминатор, но без сноровки сделать это, стоя на скользком столе, было непросто. Отец весь вымок, родителям предстояла уборка воды с пола и сушка одежды и белья. Воды на полу было по щиколотку. А мы с братом в это время, к счастью, были на своих верхних полках и наблюдали за этой процедурой с идиотским смехом.

Не помню, чтобы мы страдали от морской болезни. Мы постоянно выходили на палубу и наблюдали за морем. Теплоход стоял на месте, работая винтами, удерживая направление форштевнем навстречу ветру и волнам, которые время от времени накрывали носовую часть теплохода. В то же время на корме можно было стоять и наблюдать, как вода вдруг уходит далеко вниз и оголяющиеся винты взывают, набирая обороты в воздухе. А затем вода начинает подниматься, приближаясь к борту, но где-то в нескольких метрах останавливается и начинает снова уходить в бездну. Гигантские качели. В твиндеках люди страдали. Большинство не переносило качки.

В ожидании погоды простояли двое суток. Оставшийся путь по Охотскому морю прошёл без происшествий. Временами наш теплоход сопровождали группы касаток и только. Море было спокойное, и на восьмые сутки показалась земля. Пароход вошёл в длинный залив бухты Нагаева, с двух сторон по бортам тянулись гористые берега. В конце залива появились одноэтажные домики. Слева по борту в нескольких километрах от города расположен причал и портовые сооружения. К обеду причалили. Мы выгрузились одними из первых, нас погрузили на автобус и повезли в гостиницу.

О том, как везли вольнонаёмных и заключенных, что они чувствовали, увидев край земли, написано не очень много. Приведу небольшие выдержки из воспоминаний жены офицера МВД, заключённого В.М.Лазарева и известного артиста Георгия Жженова об условиях транспортировки человеческих грузов морем на Крайний Север. Исключительно с тем, чтобы можно было прочувствовать, какая тонкая граница между благополучием и трагедией. Ощущение реальности этой черты у меня зародилось в этом рейсе и крепло неосознанно до 14 лет, когда я познакомился с двоюродным братом Аркадием Галинским и мне многое стало понятным.

Жена офицера МВД

14 мая 1947 года очень памятный для нас день. Огромный океанский пассажирский пароход «Феликс Дзержинский» стал для нас временным домом. Из бухты Находка до бухты Нагаево плыл он 6 суток, и то, благодаря тому, что шторм был только в 9 баллов - это не очень большой шторм. Сильный шторм 12 баллов. Вез он нас в ледяной архипелаг ГУЛаг на 8 лет. Ледяной потому, что там вечная мерзлота.

Впервые очутившись на таком большом комфортабельном пароходе, хотелось все увидеть, все запечатлеть в памяти. Когда судно отходило от берега, мы слышали протяжный гудок. Мы все на палубе любуемся безбрежным простором, прощаемся с Находкой. Над нами летают чайки и громко кричат, но с выходом в открытое море и чайки покидают эту безбрежную водяную пустыню. Японское море встретило нас спокойно, и мы беззаботно гуляли по палубе, дивились тому, какая у нас большая страна. Когда проходили пролив Лаперуза, издали показались полоски земли – это Японские острова.

Вышли на просторы Охотского моря. Путь от Владивостока до Магадана 2 700 километров и все морями. На третьи сутки заштормило, пароход стало покачивать. Мы находились в твиндеке, а под нами трюм. Два яруса насмерть прикрепленных кроватей. Члены экипажа плотно завинтили иллюминаторы. Все больше усиливалась болтанка, многих она свалила в постель. Началась морская болезнь: мутило на желудке, кружилась голова, у многих открывалась рвота. Я лежала, не поднимая головы. А как хочется видеть разбушевавшееся море! Держась за стенки, качаясь, иду в туалет, где открыты иллюминаторы, приподнимаюсь на носочки, с ужасом наблюдаю и не нахожу слов, чтобы выразить таившуюся в морской пучине силищу и грозную стихию, никому не подвластную и никем не укротимую, где властвуют тайные законы природы. Смотрю вниз: где-то далеко внизу начинается волна, затем она поднимается все выше и выше, вот она уже становится огромной горой с 4-х этажный дом, затем медленно опускается вниз. Волны, как огромные длинные горы, надвигались одна на другую и убегали одна от другой. Цвет воды становился угрожающе темно-зеленым, а ночью море особенно страшное.

На четвертый день от сердечного приступа умерла женщина-пассажирка. Пароход замедлил скорость и дал тревожный протяжный гудок. Хоронили по морскому обычаю.

Саша приносил мне еды, очень беспокоился обо мне. Чувствовал себя он хорошо, в отличие от многих не болел морской болезнью.

Одна из пассажирок рассказала, как она ехала однажды на грузовом пароходе «Джурма». Плыли они 20 суток, был шторм 12 баллов. С палубы смыло все, что было к ней прикреплено: лошадей, трактора, оборудование, а пассажиры, задыхаясь, болтались вместе с судном, потеряв надежду на жизнь. Кончился запас пресной воды, продуктов, болели дети, взрослые лежали пластом, а шторм не утихал. На 21-ые сутки море уgomонилось, ветер стих и они пришвартовались в Петропавловске-Камчатском. Набрав воды и продуктов прибыли в бухту Нагаева.

Подходил к концу и наш рейс. Впереди нас ждала неизвестность.

В. М. Лазарев 1937 год глазами очевидца <http://coollib.net/b/279768/read>

На пароход нас грузили в темноте, и погрузка, видимо, продолжалась всю ночь. Сначала нас загнали в трюм какой-то железной шаланды, которая подошла к борту океанского парохода. Здесь по наружному мостику мы поднимались на палубу и распределялись по трюмам.

Я попал в нижний этаж носового трюма; место было на нижнем ярусе нар, в самом носу судна. По оба борта судна — где корпус от носа начинал расширяться — и в середине были построены грубые деревянные нары в четыре и пять этажей. Пол деревянный, трюм освещается тускло горящими электрическими лампочками. В трюм ведет одна крутая наклонная железная лестница, которая выходит в люк, расположенный в полу верхнего трюма. Этот трюм также оборудован нарами и полон заключенных. Около люка стоит лагерная охрана — назначенная из заключенных, как правило, уголовников; их задача — никого не выпускать из нижнего трюма в верхний. Из верхнего трюма видно светлое пятнышко — люк на палубу, к которому ведет своя лестница. Выход охраняется вооруженной винтовками охраной.

Высота каждого трюма — почти с двухэтажный дом. Никаких иллюминаторов, воздух проникает только через люк из верхнего трюма в нижний. Что это значит, мы скоро узнали. Люди разбиты по десяткам. В обязанности десятника входит получение пищи и воды. Уже на Колыме мы узнали, что перевозкой арестантов занимались четыре-пять пароходов, каждый из которых привозил от трех до пяти тысяч заключенных за каждый рейс, начиная с мая по ноябрь месяц. За месяц судно успевало сделать два рейса. Нас вез пароход «Кулу» — около четырех тысяч заключенных. (В некоторые рейсы он брал свыше пяти тысяч человек.)

Утром нам выдали по куску соленой кеты-горбуши и порцию хлеба. Я, как архангельский житель, знал, что соленую рыбу нужно есть осторожно, однако голодные люди, несмотря на мои советы, набросились на нее с жадностью. Скоро все почувствовали страшную жажду. Воды полагалось по пол-литра, однако получить эту порцию смогли далеко не все. За водой отправлялся десятник с жестяным баннным тазом по лестнице, через верхний трюм и к

выходу на палубу, где охрана налиwała ему воду из шланга. Вниз он должен был спускаться по крутым лестницам, держа в руках таз с водой. Даже в нормальной обстановке это было трудно, кроме того, мешала качка. При спуске же из верхнего трюма в нижний с боковых нар, примыкающих к лестнице, с кружками набрасывались уголовники, черпали драгоценную воду, проливали ее, и донести воду до своей десятки не всегда удавалось. Около лестницы, когда появлялся очередной таз с водой, разыгрывались безобразные сцены драк — звериная сущность человека обнажалась полностью.

К концу дня некоторые дошли до того, что лизали лужицы воды, пролитые во время драки у лестницы, с грязного пола. Отовсюду слышались стоны, крики, ругань. Кто-то истерически плакал. К вечеру началась качка. Мы были уже в Японском море. Большинство никогда не плавали на морских судах, и их быстро укачало — в первую очередь тех, кто лежал на верхних ярусах нар и в верхнем трюме. Их неудержимо рвало, и блевотина летела вниз, часто на головы обитателей нижних нар. К концу дня нам разрешили получить еще по поллитра воды — это было легче, так как большинство уголовников лежали пластом и не могли вырвать у нас воду.

В уборную выводили два раза в день. Уборные были устроены на верхней палубе в виде деревянных навесов, висящих вдоль борта судна над водой. Они страшно раскачивались, а внизу были видны холодные волны с белыми барашками.

Ночью стало сказываться отсутствие вентиляции. Воздуха в трюме, где людей было набито полным-полно, не хватало; гниющие отбросы, блевотина, запах грязной одежды и портянок создавали очень тяжелую атмосферу. Чтобы глотнуть хоть немного воздуха, нужно встать около лестницы, но там было мало места, люди загораживали свободный доступ воздуха, и в трюме становилось все более душно.

Некоторые теряли сознание. Особенно плохо пришлось больным астмой, простуженным, сердечникам и т. д. Большую часть времени мы проводили в полусне или в полузабытьи. Когда на другой день выдали очередную порцию соленой рыбы, к ней почти никто не притронулся. На третий день утром обнаружили несколько покойников. Убирать их не разрешили, соседи сволокли их на пол, под нары, и во время качки они перекатывались по полу, от борта к борту, нелепо цепляясь окоченевшими руками и ногами за стойки нар. Все это напоминало сцены из «Хижины дяди Тома» и описания перевозки негров на невольничьих кораблях во время работорговли.

<http://www.49.fsin.su/history/>

Вот как описывает транспортировку заключённых известный артист, Георгий Жженов.

В транзитной тюрьме Владивостока формировался этап заключенных на Колыму. Этапируемых на прощание, накануне отправки, начальство умудрилось накормить селедкой. Весь путь к причалу, от Второй Речки до бухты Золотой Рог, заключенные вынуждены были терпеть, превозмогать жажду. Все следующие двенадцать-пятнадцать часов самой погрузки на корабль их просьбы дать воды игнорировались начальством, подавлялись конвоем грубо, жестко.

Сначала грузили лошадей. Несколько часов их бережно, поодиночке заводили по широким трапам на палубу, размещали в специальных палубных надстройках - отдельное стойло для каждой лошади... В проходе между стойлами стояли бачки с питьевой водой, к каждому была привязана кружка... В отличие от лошадей, с людьми не церемонились. Дьявольская режиссура погрузки заключенных на корабль была отработана до мелочей и напоминала скотобойню. С приснопамятных времен она успешно практиковалась не только на Колыме, Печере или в Караганде, но всюду и везде, где могущественный ГУЛАГ помогал большевикам строить социализм в России.

Как стадо баранов людей гнали сквозь шпалеры вооруженной охраны, выстроенной по всему пути, в широко распахнутую пасть огромного трюмного люка, в само чрево разгороженного многоярусными деревянными нарами трюма... Гнали рысью, под осатанелый лай собак и улюлюканье конвоя, лихо, с присвистом и матерщиной... "Без последнего!" Не знаю, существует ли подобное и сейчас, в девяностые годы, но тогда, в памятном для меня тридцать девятом, всю прелесть этой "режиссуры" я испытал сполна на собственной шкуре.

Когда, наконец, погрузка лошадей и людей закончилась и "Джурма" медленно отвалила от причала, в ее наглухо задраенном трюме, гудящем как пчелиный улей, уже созрел жуткий, сумасшедший бунт.

Корабль, набитый массой осатанелых от жажды, иступленных людей, стонал, вопил сотнями исходящих пеной, охрипших глоток, требовал воды. "Воды!!! Во-оды!!!" Капитан категорически отказался продолжать рейс. "До тех пор пока люди не получают воду и не придут в себя, никто не заставит меня выйти в открытое море с сумасшедшим домом в трюме, - заявил он. - Немедленно напоите людей". И только после этого заявления до конвоя, кажется, дошло, какую опасность представляет взбунтовавшийся в море корабль с сотнями запертых в трюме, мучимых жаждой людей. Конвоиры раздраили трюмный люк. С палубы в ствол трюма, в этот ревуший зверинец, начали опускать на веревках бачки с пресной водой. Бесполезно, слишком поздно спохватились!

Стоило только в проеме трюма появиться первому бачку, как мгновенно к нему бросились озверевшие, утратившие последний контроль над собой люди... С хриплыми голосами, сметая, давя и калеча друг друга, они карабкались по трюмным лестницам к спасительному бачку. Со всех сторон тянулись к нему сотни рук с мисками, кружками... Через мгновение бачок заметался из стороны в сторону, заплясал в воздухе словно волейбольный мяч, был опрокинут и с концом обрезанной кем-то веревки исчез в недрах трюма. Вода из него так и не досталась никому, никого не напоила и, даже не долетев до днища трюма, у всех на глазах мгновенно превратилась в пыль, в брызги, в ничто... Следующие несколько попыток закончились тем же.

Тогда в трюм спустились конвоиры. Короткими автоматными очередями по проходам трюма им удалось на какое-то время разогнать всех по нарам, приказать лежать и не двигаться. С верхней палубы в проем трюма быстро спустили огромную бочку, размотали в нее пожарный брезентовый шланг, подключили помпу. Со всех нар за этой процедурой лихорадочно следили сотни воспаленных глаз - ждали. Слышно было, как заработала помпа, зашевелился, ожил шланг... в бочку полилась вода... И как только автоматчики ретировались на лестницу и поднялись на палубу, к воде кинулись люди. Мгновенно у бочки образовалась свалка. За место у водопоя началась драка. В ход пошли лезвия безопасных бритв, ножи, утаенные уголовниками после этапных шмонов. Запахло кровью. Кто не сумел пробиться к бочке, бросился на лестницу, к пожарному шлангу... Цеплялись за висящий, упругий от напора воды шланг, тянули его на себя... Ножами вспарывали, дырявили парусину... К хлеставшей из дыр воде подставляли разинутые, пересохшие рты и судорожно, жадно глотали ее. Давились, торопились, захлебывались... Вода из прорванных шлангов текла по лицам, телам, по набухшей одежде, стекала по ступенькам лестницы... Ее ловили в воздухе, облизывали ступеньки. К ней лезли друг через друга, сильные стаскивали с лестниц слабых, те остервенело сопротивлялись, хватались за набрякшую, сочившуюся водой одежду соседа. Как пиявки впились зубами, повисали на

ней и с жадностью обсасывали, торопились напиться, пока их не сбросили вниз, на дно трюма... Оттуда к водопою лезли и лезли новые толпы обезумевших от жажды зэков.

И уж нечто совсем фантастическое, подобно миражу в пустыне, являла собой на этом фоне компания блатных авторитетов - элита преступного мира: крестные отцы, воры в законе, паханы, аферисты всех мастей... Вся эта уголовная сволочь вольготно обосновалась на верхних нарах, вблизи распахнутого люка, - поближе к свету и к свежему морскому воздуху. Они, эти подонки, были настоящими хозяевами этапа. Как римские патриции возлежали они на разостланных по нарам одеялах, не боясь никого и не таясь, нагло потешались над происходящим. От жажды они не страдали -- у них было все! Все, вплоть до наркоты! Всевозможная еда, спирт, табак и даже... женицина! (Если можно было назвать женициной полуголое существо в мужских подштанниках.) Вдребезги пьяная, распатланная девка, размалеванная похабными наколками, одному сатане известно, откуда и как приблудившаяся к мужскому этапу, томно каталась по нарам, за спинами резавшихся в карты воров.

Деньги, добротные шмотки - все уворованное, награбленное, под угрозой ножа, силой отнятое у "фраеров" - политических, сносилось молодым жульем ("шестерками") к ногам паханов и тут же шло на кон, разыгрывалось в карты. Вещи, как бабочки, порхали от одного игрока к другому... Неизвестно, достиг бы бунтующий ковчег "земли обетованной", если бы капитан "Джурмы" не вмешался в действия конвоя и не принял собственные, решительные меры. Опытный моряк, не первую навигацию поставляющий на Колыму дармовую гулаговскую рабсилу (заключенных), он понимал, в каком положении оказался из-за преступной глупости конвоя, не сумевшего вовремя напоить людей. Он понимал, что никакие полумеры уже не помогут, - соображать надо было раньше, на берегу.

В создавшемся положении "Джурма" представляла собой плывущую в никуда пороховую бочку с подожженным фитилем. Вот-вот бабахнет! Рванет так, что никого и ничего не останется... Все окажутся на дне, там, где все равны - и "чистые", и "нечистые", все! Расплата за глупость неизбежна. В этой критической ситуации, когда перепуганная насмерть, растерявшаяся охрана не знала, что делать, капитану ничего другого не оставалось, как решиться на крайнюю меру - единственную, пожалуй, которая могла еще утихомирить людей и предотвратить катастрофу. В момент, когда ярость вконец озверевших заключенных достигла последнего предела, готова была выплеснуться из недр мятежного трюма на палубу и разнести вдребезги корабль, капитан отдал распоряжение залить бунтующий трюм водой. Залить немедленно, из всех имеющихся на корабле средств.

Срочно были подтянуты дополнительные пожарные шланги, включена помпа, и изо всех люков на головы беснующихся в трюме людей полились потоки пресной воды. В короткое время днище трюма было залито. Зэки, по щиколотки в воде, упились ею вдоволь, что называется, от пуза - пей не хочу!.. Расчет капитана оправдался, бунт утих, опасность миновала. Опасность миновала для корабля, но не для людей. Эксперимент, учиненный конвоем над человеческой выносливостью, уже на следующее утро выдал первые тревожные результаты. У сотен заключенных обнаружались признаки одной из самых страшных в условиях длительных этапов болезни - дизентерии (королевы клопами провонявших пересылок, вшивых этапов и голодных беспенициллиновых лагерей). Я не знаю, сколько несчастных так и не достигли "земли обетованной" - канцелярская отчетность

на этот счет, наверное, существует; знаю одно: их много! Количество заключенных, взошедших на борт "Ноева ковчега" в бухте Золотой Рог, далеко не соответствовало количеству сошедших с его трапа в бухте Нагаево 5 ноября 1939 года.

9. ГОД НА МАТЕРИКЕ

Болезнь отца

В 51 году заболел отец. У него обнаружили рак крови. Выражалась болезнь в быстрой утомляемости, увеличении селезёнки в размерах и росте числа лейкоцитов до 50 – 60 единиц. Некоторое время он пролежал в больнице. В качестве лечения ему прописали мышьяк: начинать с одной капли и затем каждый день прибавлять по одной до десяти. Затем пить по десять капель каждый день некоторое время, а затем снижать. Этот метод сбивал число лейкоцитов, но ненадолго и лейкемию не лечил. Мама очень волновалась, в доме обстановка была напряжённая. По решению врачей его отправили на консультацию и лечение в Хабаровск. Там он пролежал месяц на обследовании, и ему дали направление в Москву в институт Бурденко. Шёл уже пятьдесят второй год. Было решено, что с отцом поеду я. Во-первых, маме одной с двумя парнями всё же будет легче. Во-вторых, в свои четырнадцать лет я мог помочь отцу в дороге.

Отец собрал необходимые медицинские документы, а я - справку о сданных экзаменах за шестой класс. Это был первый выезд на Материк после шести лет работы в Магадане. В отпуск в то время уже никто из договорников не ездил на пароходе. Договорникам с детьми оплачивался билет на самолёт. На дальних линиях использовались самолёты ИЛ-14, которые брали на борт

тридцать пассажиров. Самый дальний перелёт происходил от Магадана до Хабаровска — это 1600 км. На самолёте путь занимал пять часов. В дальнейшем до Благовещенска 600 км, до Читы 1000 км, до Иркутска 600 км, до Красноярска 800 км, до Новосибирска 540 км, до Омска 620 км, до Свердловска 810 км, и последний перелёт до Москвы 1400 км. Итого более 7 500 км пути по прямой. Если повезёт с погодой, то это составляло 36 лётных часов. Однако редко бывала хорошая погода на всём этом длинном пути, и все аэродромы принимали самолёт. К тому же всякая посадка сопровождалась заправкой или сменой самолёта или обязательным по регламенту отдыхом пилотов через каждые 8 лётных часов. Таким образом, дорога в среднем занимала 3 – 4 дня.

Дорога

Весной, сразу после моих экзаменов за шестой класс, мы с отцом вылетели в Москву. Для меня это путешествие было интереснейшим событием величайшего значения. Мне было без двух месяцев 14 лет. Это был возраст, когда активно формируется взрослый человек. Это тот период жизни, когда пацан начинает ощущать себя юношей. Это то время, когда кончается «власть» родителей и юноша уходит в свободное плавание за пределами семьи.

С каким багажом представлений о жизни я отправился в новую незнакомую среду? С очень убогим. Главное место в багаже занимал образ сильного делового мужика из простых, не обременённого сложными философскими умозаключениями. Такими в большинстве своём были взрослые, окружавшие нас, молодых: соседи по дому, родители моих одноклассников, да и просто прохожие. Это были люди практичные, в условиях глобального магаданского дефицита они без особых усилий обустроивали свой быт, используя подручный материал и находя возможность достать всё, что им надо, в различных производственных мастерских. Это были люди сильные, молодые, средний возраст жителей Магадана составлял всего сорок лет! Это были люди крепкого сложения, уверенные в себе, с твёрдой походкой, с независимым выражением лица и нагловатым самоуверенным взглядом. Эти люди знали себе цену и знали, чего они хотят. Они приехали не за романтикой, а за деньгами. Они ощущали себя хозяевами жизни, сильными людьми, какими они и были на самом деле. Слабость в их среде не поощрялась. Их не смущали тяжёлые условия жизни, особенно на Трассе (всё пространство края за пределами города именовалось Трассой). Суровый климат их не подавлял, а наоборот порождал чувство превосходства над материковскими жителями. Это была страна молодых, сильных, здоровых, циничных, самоуверенных людей. В этом городе редко кто умирал своей смертью. Похороны в городе были событием, из ряда вон выходящим, связанным с авиационными катастрофами, авариями на трассе или на производстве. Памятники на кладбище представляли собой элементы конструкций различных машин, самолётов или бетонных надгробий, на которых не было религиозной символики. И, конечно, никаких крестов.

Другим важным источником представлений о жизни были книги про людей, наделенных не только *практической сметкой*, но и *силой воли и знанием*. Такими были, в первую очередь, герои Джека Лондона («Любовь к жизни»), Жюль Верна (особенно «Таинственный остров»), Фенимора Купера и других авторов приключенческой литературы.

Эти немудреные представления о жизни в человеческом обществе полностью согласовывались с философией нашего двора и класса. С таким «багажом» я взошёл по трапу самолёта.

Пассажирами нашего рейса были обычные колымчане-отпускники с большими деньгами. Все они пребывали в бесшабашном состоянии души. Мы с отцом заметно выпадали из общего веселья. Как только самолёт оторвался от земли и нам разрешили отстегнуть ремни, стали спонтанно образовываться компании. На столиках появились бутылки со спиртом (на Колыме водки не было, вместо неё продавали 96-градусный «Питьевой спирт»). Скоро все друг с другом перезнакомились, нас с отцом тащили из одной компании в другую. Рафинированных интеллигентов еврейской национальности в самолёте кроме отца не было. Но за пределами родных земель все колымчане становились равными и родными. Единственное отличие отца заключалось в том, что он физически не мог поддержать компанию, потому что его больной организм не переносил алкоголь даже в умеренных дозах. К счастью, довольно быстро спиртное сморило уставших от езды из дальних посёлков колымчан, и самолёт представлял собою сонное царство.

Хабаровск встретил нас жаркой погодой и летними ароматами. Предстояла смена самолёта и экипажа, и у нас образовалось несколько часов свободного времени. Решили поехать в центр, осмотреть город, точнее, пополнить запасы спиртного. Отцу эти прогулки были тяжелы, и он отпустил меня с компанией «экскурсантов» одного.

На улицах в городе было многолюдно, особенно, видимо, в связи с тёплой погодой. Магаданская группа разительно отличалась от хабаровской публики. Люди вокруг нас были угрюмые, невзрачно одетые, многие ходили неспешно, опустив голову и с палочками. Мы выделялись молодостью, шумным поведением, громкими репликами и повышенным интересом к продовольственным магазинам.

Я же с интересом разглядывал незнакомый город. Он не был похож на те два города, которые мне были знакомы – Томск и Магадан. В первом мы жили на окраине в старом военном городке. Второй был очень молодой и насчитывал не более трёх десятков кирпичных зданий стандартной советской постройки. И это всё, что было в моём «архиве» городской архитектуры. Хабаровск в то время был мало испорчен советским новостроем. Каменные дома в основном были дореволюционные, двух – трёх-этажные особняки индивидуальной архитектуры. Скажу откровенно, я был продуктом современной эпохи и предпочитал грандиозные архитектурные проекты. А тут дома дореволюционной постройки. Особого впечатления они на меня не произвели, но представление о старом городе сложилось. Я был слегка разочарован. Но вот мы вышли на набережную реки Амур.

Собственно это был высокий берег, к которому вела улица, а набережная шла внизу вдоль берега. Перед нами открылась панорама реки, на противоположном берегу которой расстилался пологий китайский берег, уходящий за горизонт. Я стоял поражённый могуществом реки, ширина которой в этом месте напоминали морской пролив, а противоположный берег принадлежал другому государству! Никак не мог свыкнуться с этой близостью границы, по которой спокойно ходят простые горожане. Вернулись мы в аэропорт, и оказалось, что рейс ещё отложен в связи с плохой погодой где-то на трассе.

Дальнейшая дорога состояла из постоянных взлётов и посадок, больше длительных задержек не было, и кроме аэропортовых стандартных сооружений никаких впечатлений в памяти не осталось. Никакой усталости я не чувствовал, в отличие от отца, который, хотя и держался мужественно, был утомлен длительными перелётами и сидением в аэропортах.

В Москве мы остановились на пару дней у маминой подруги Татьяны Ореховой, а затем переселились в гостиницу в районе Бутырского хутора. Отец готовился лечь в больницу, а я должен был ехать в Дальстроевский пионерлагерь в посёлке Лоо на черноморском побережье Кавказа. Путёвку в лагерь отец купил ещё в Магадане. До отъезда оставалось несколько дней, и все эти дни я сопровождал отца, потому что он не решался отпустить меня одного бродить по Москве. А я и не рвался особенно, так как видел состояние отца. Тем не менее, в первые же выходные отец посчитал своим долгом показать мне главную достопримечательность России – Кремль и Красную площадь. Не скрою, я с нетерпением ждал этой встречи. Ведь вся история России со времён Ивана Калиты и особенно советский период были связаны с этим местом.

Живые кремлёвские башни показались слишком нарядными и непохожими на фортификационные сооружения. Тем не менее, впечатление было сильным. Кремлёвская стена оказалась довольно высокой и надёжно отгораживала от нас мозг и сердце нашего государства. Нетрудно было вообразить, что вот тут, за этой стеной, сидит сам СТАЛИН! Эту торжественность подчёркивал караул у Спасских ворот, через которые время от времени проезжали чёрные автомобили с таинственными пассажирами. Неожиданно раздался бой курантов, усиливший впечатление нереальности происходящего со мной.

Очнувшись от кремлёвского наркоза и оглянувшись, я увидел ещё одну известную достопримечательность этого «святого» места – мавзолей и длинный хвост очереди, уходящий далеко за пределы площади. Люди в очереди молча, медленно и угрюмо плелись и пропадали между двумя истуканами-часовыми в чёрной дыре двери. Создавалось впечатление, что мавзолей пожирает покорно идущих на закланье людей. Казалось, они исчезали, поскольку с другой стороны очереди не было. Никакого желания встать в очередь, чтобы исчезнуть в этой дыре, не появилось.

Сама площадь была огромной и пустой. Людей было мало, они быстрым шагом пересекали площадь в разных направлениях из одной улицы в другую. Внимание привлекал огромный и нарядный собор Василия Блаженного. Многообразие куполов по форме и расцветке создавало впечатление сказочности и балаганности этого сооружения. Оно явно было в диссонансе со строгостью Кремля и аскетичностью мавзолея. Захотелось войти внутрь и обнаружить там сказочных героев. Но собор оказался на замке.

Перед собором стояло круглое высокое каменное сооружение, назначение которого мне было непонятно. Отец объяснил, что это лобное место. О существовании его на площади я не знал. Воображение живо нарисовало казни стрельцов, которую изобразил Суриков в полотне «Утро стрелецкой казни». Кстати, позже я разглядел эшафот на этой картине.

Обойдя площадь, мы с отцом зашли в ГУМ. Этот двухэтажный трёхпролётный Пассаж с фонтаном в центре вырубил меня окончательно роскошью, обилием невиданного товара и большими очередями за «дефицитом», как объяснил отец.

Больше впечатлений о Москве не сохранилось. Видимо, Красная площадь заполнила все ресурсы временной памяти и вытеснила остальные впечатления как несущественные.

Настал день отъезда в лагерь. Отряды формировались в Москве в представительстве Дальстроя на Гоголевском бульваре. Было много детей и ещё больше взрослых. Мой багаж состоял из одного небольшого чемодана с белой наклейкой, сообщавшей, что принадлежит он Бродскому Юрию из 3-го отряда. Конечно, никаких знакомых не было, но опыт лагерной жизни подсказывал, что не надо торопиться - друзья скоро появятся. После оформления документов нас заставили разобраться по отрядам вокруг воспитателей с табличками № отряда. Ещё раз воспитатели сверили нас со списками и начали строить по парам и по отрядам. Затем образовавшаяся длинная колонна пионеров двинулась к Курскому вокзалу по бульварному кольцу, растянувшись в середине проезжей части длинной гусеницей. На вокзале нас по отрядам рассадили по вагонам, и мы уехали из Москвы на целый месяц. В то время в Лоо за лето формировали две смены.

Лоо - Феодосия

В лагере в основном отдыхали дети северян - колымчан-отпускников. В связи с этим в распорядке дня основное время занимали морские и солнечные ванны на пляже. Процедуры купания происходили следующим образом. Отряд делился на три группы по восемь - десять человек. В море группы пускали по очереди сначала на три минуты. Затем доза увеличивалась и в конце концов доходила до 15 минут. Пока одна группа купалась, другая принимала солнечные ванны (загорала), а третья – воздушные под тентом. В это время один из двух сопровождающих – вожатый или педагог – стоял на берегу и непрерывно пересчитывал купающихся по головам. И это имело глубокий смысл, поскольку среди резвящихся детей разного возраста бывает незамеченным исчезновение одного ребёнка, нырнувшего и не вынырнувшего. Другой взрослый в это время следит, чтобы северные бледные дети не обгорели или не перегрелись, чтобы не случился тепловой удар. Всю описанную процедуру я освоил до деталей, когда спустя 8 лет поехал в этот Магаданский лагерь вожатым после окончания первого курса университета подработать и улизнуть от сельхозработ.

При таком расписании свободного времени для прочих занятий не оставалось. Работали в лагере кружки и секции, но по времени по остаточному принципу. Я записался в авиамодельный - клеить планеры. Пускали их мы на стадионе. Хотя вокруг были горы, и можно было запускать модели на большие дистанции, густые кроны высоких деревьев не позволяли размахнуться.

Во время купаний я, воспользовавшись обстоятельствами, начал самостоятельно учиться плавать. Сначала задерживал воздух, отработывал движения рук и ног. Затем начал пытаться делать отдельные вдохи. Плавал вдоль берега. Через неделю – поплыл, размахивая руками. Никакого стиля, но на воде держался. Этот опыт пригодился мне при поступлении в Военно-морское училище, когда пришлось сдавать плавание в бассейне. Я бултыхался дольше всех, преподаватель устал ждать, когда я проплыву 200 м. Но я сдал!

Как и в Магаданском лагере, нас неудержимо тянуло обследовать окрестности. К морю мы не спускались - нарушителей тут же отправляли родителям - отпускникам. Мы уходили вверх

по склону горы. Там находились развалины византийской крепости и заброшенная территория Аристовой дачи.

Романтика минувших лет манила нас таинственностью и реальной возможностью прикоснуться к старине. В одичавшем саду были собраны различные редкие деревья. Было интересно и необычно. Кроме того, это был период цветения магнолий, которые росли там в изобилии и которые я видел впервые. Мы приносили ароматные огромные цветы в лагерь и дарили их девчонкам, но так, чтобы об этом не знали вожатые. Кроме того нам объяснили, что можно посылать курортные открытки по листьям магнолий, приклеив на них марки и написав адрес.

И, конечно, футбол! В лагере был приличный стадион, на котором всё свободное время гоняли мяч, разделившись на команды. Моё профессиональное место было левый полузащитник. Организовали отрядную команду и убивали время в тренировках и играх с другими отрядами. Время летело быстро.

Конечно, приходилось также и дежурить. Как всегда, были посты в определённых точках территории. Прежде всего у администрации, где размещалось знамя лагеря. Затем у двух ворот, одни находились внизу у выхода на пляж. Это место было почётным и заманчивым, потому что давало власть не выпускать пионеров и не впускать посторонних. И была ещё хозяйственная бригада, которая помогала на кухне и по мере надобности во время уборки территории. На кухне работать было грязновато, зато перепадало что-нибудь вкусное: мороженое, фрукты. Однажды в такой бригаде понадобились несколько ребят, чтобы ехать за продуктами. Я успел вызваться и попал в компанию грузчиков. Нас посадили в кузов грузовика на скамейки, и мы поехали прекрасной лесной горной дорогой с ветерком. Приехали в какое-то село, где нас напоили чаем с мёдом, после чего мы приняли участие в погрузке ящиков с фруктами и ягодами. Обрато ехали среди ящиков и дегустировали фруктово-ягодную продукцию.

В августе, к окончанию смены, приехал отец. Он решил провезти меня по новым местам и познакомить со своими братьями. Лазарь жил в Феодосии, Саша – в Киеве. В Феодосию решили ехать на теплоходе из Сочи на круизном теплоходе «Грузия», доставшемся нам от Германии после войны в качестве трофея.

Круизный теплоход «Грузия»

Курсировал теплоход вдоль побережья Чёрного моря от Батуми до Одессы. По тем временам это была прекрасная возможность почувствовать себя свободным, прожить несколько часов красивой жизни. Отдельная каюта, прогулочные палубы, салоны, ресторан. Никакого сравнения с пароходами Дальстроя, даже с лучшим из них «Феликсом Дзержинским», который считался у нас почти круизным, а на самом деле был простым грузо-пассажирским, в котором перевозили пассажиров как скот в твиндеках. Наслаждались буржуазным комфортом мы недолго. Маршрут от Сочи до Феодосии с заходом в Новороссийск занял две ночи и два с половиной дня между ними.

В Феодосии нас встретил Лазарь в форме полковника медицинской службы. Лазарь был мобилизован в первые же дни войны и провёл в полевых госпиталях вблизи линии фронта все пять лет. С 45 года служил в военных госпиталях и в этом, 1952-м, - в госпитале в Феодосии. Человек он был подтянутый, стройный с властным взглядом, чувствовалось, что он требует подчинения и не любит обсуждений. Это проявилось уже при первой встрече, когда он объявил программу нашей жизни в Феодосии, не обсуждая с отцом. Вместе с Лазарем на встречу пришла дочь Ритка, на год старше меня. Девчонка бойкая, активная, сразу собралась шефствовать надо мной. Первым делом сводила в картинную галерею Айвазовского. Был конец августа, и мы много времени проводили с Риткой на пляже, а первого сентября пошли в школу. Она в женскую, я - в мужскую, в седьмой класс. Мне уже было четырнадцать, и меня должны были принять в комсомол. Это был обязательный ритуал, поскольку через пионерскую организацию и комсомол молодёжи прививали так называемую коммунистическую мораль и осуществляли контроль за результатами «прививки». В классе не могло быть некоммусомольцев. Моих сверстников в Магадане принимали, и я мог оказаться маргиналом. Поэтому отец организовал моё вступление в эту организацию, чему я не препятствовал.

Киев. Смерть Сталина

У Лазаря мы прожили только месяц и в конце сентября переехали в Киев. Отцу надо было ехать в Москву на лечение, а я должен был год прожить в Киеве. Семья дяди Саши проживала в двух смежных комнатах коммунальной квартиры на втором этаже дома артистов на углу улиц Пушкинской и Ленина. После нашего приезда в комнатах размещалось шесть человек, и прямо надо сказать, не было просторно. Сейчас я понимаю, как трудно было Саше принимать решение оставить меня на год у себя. Я спал на раскладушке, которую вставляли таким образом, что пройти ночью было непросто. Обедали мы за большим овальным столом в одной из комнат, но редко все вместе.

Со стороны взрослых я сразу же почувствовал доброжелательное и чуть ироничное отношение к себе и быстро стал членом большой семьи. Конечно, для них я был дикарём, почти папуасом из Полинезии. Интересы и уровень развития четырнадцатилетнего магаданского балбеса для них были удивительны. Я потряс их своим предпочтением научной фантастики классической литературе. Мои музыкальные интересы сводились к джазу и шлягерам. Я демонстративно противопоставлял простого человека из народа неприспособленным к жизни интеллигентам. Я шокировал их пацаньим жаргоном и неправильным произношением многих терминов из обихода культурного человека. Так я впервые употребил новое для меня слово «фельетон» сказав «фельтеон», за что получил прозвище «Фельтеон» надолго. За столом я демонстрировал полную свободу от правил этикета, а о том, что нужно держать вилку левой рукой, узнал только там. Я принёс с собой провинциальный дух с магаданским оттенком, который ощущался во всём и вызывал любопытство, изумление и неприятие моей простоты.

Однако надо отдать должное неопределимому терпению и такту этих прекрасных людей, доброму дяде Саше и острому Адику. Их реакции никогда не были оскорбительными и обидными. Я быстро почувствовал, что моя самобытность плохо вписывается в культурную

среду интеллигентной семьи. Мне довольно быстро стало неловко за своё агрессивное невежество.

Я привыкал к совершенно новой для меня обстановке, отличной от нашей колымской среды сильных, но простых и грубых людей, в среде которых культивировался мужественный тип человека, незамысловатый в своих проявлениях. Не скрою, мне это очень импонировало и, могу утверждать, что магаданская атмосфера в значительной степени сформировала во мне мужчину.

Моё уличное магаданское воспитание никак не сказывалось на отношении ко мне моих новых родственников, а то, как я жадно встраивался в новую культуру, даже подкупало. Теперь я понимаю, что эта среда была моей по природе, генетически, что я попал в свою стихию, и атмосфера семьи в значительной степени сформировала во мне интеллигентного человека.

Киевская семья была абсолютно отличной от нашей. Дядя Саша – старший брат отца - рафинированный еврейский интеллигент. В театре он был концертмейстером группы альтистов и очень уважаемым человеком. Это уважение распространялось и на меня, когда узнавали, что я племянник Александра Израилевича. Кроме того он был многолетним членом местного комитета.

Лето 1952г. Киев. Фира, отец, Жанка, Дядя Саша, тётя Люба.

Дядя Саша по характеру был полной противоположностью Лазарю. Это был барин, но в то же время патриарх, глава клана родственников, в который входили жена Любовь Адольфовна, сын Аркадий, сестра Фира с мужем Лёвой и дочерью Жанной, сестра жены Соня и ещё их домработница Люба. Его авторитет распространялся и на отца. По характеру дядя Саша был человеком мягким, интеллигентным, не употреблявшим резких выражений в разговоре, а наоборот, обращался к собеседнику с мягкой доброй улыбкой. Он внушал уважение уже своим видом и достоинством, с которым он держался, даже когда шёл по пустой улице. При этом в обращении с нами, домочадцами, дядя Саша был даже слегка застенчивым, но жёстким, когда решались принципиальные вопросы. Так было, например, при конфликтах по поводу домработницы Любы, к которой ревновала его Любовь Адольфовна. Так, я полагаю, было при решении вопроса о моем проживании в их семье во время лечения отца в Москве в течение почти года. Эти свойства личности дяди Саши очень импонировало мне, и невольно всю жизнь в дальнейшем я следовал его примеру, когда приходилось продираться с трудом сквозь сложные ситуации и обстоятельства жизни.

Его жена Любовь Адольфовна женщина жёсткая, в отличие от мужа имела характер твёрдый и прямолинейный. Дядя Саша с уважением относился к её мнению, но в известных пределах своей мягкой улыбкой окорачивал её темперамент.

Но, несомненно, главным лицом в этой семье для меня был Аркадий Романович - просто Адик. Это человек, благодаря которому я начал испытывать уважение к интеллигентному человеку и мировой культуре. Он фактически заложил основы понимания сущности коммунистического принципа «демократического централизма», а по сути тоталитаризма. Это именно так, и я не могу найти менее высокопарных выражений для оценки его влияния. С Адиком у меня сложились близкие родственные отношения и глубокая дружба, которая сохранилась до самой его смерти.

Представление о том, каким был этот человек, можно составить, прочитав его биографию, написанную по воспоминаниям его женой Инной и внуком Александром Паперски. (<http://agalinsky.narod.ru/igapbook.htm>). Вся жизнь Аркадия Романовича протекала в условиях высокого напряжения внутренних сил. Его характер и воспитание не допускали компромиссов в принципиальных вопросах и создавали большие проблемы в его журналистской деятельности.

Наиболее драматичными периодами его жизни были военные годы и годы опалы после 1968 года, после его выступления в газете «Советская культура» с обсуждением проблемы договорных футбольных игр. Особенно усилился прессинг после выхода в свет книги «Не сотвори себе кумира» в 1971 году, после чего он получил титул «Солженицын Советского спорта» и лишился работы и возможности печататься на долгие 19 лет.

Ниже мне хочется привести фрагмент биографии Адика, относящийся к военному периоду его молодости, многие эпизоды которого мне знакомы из рассказов Адика в беседах в тот год жизни в семье дяди Саши. Мне, четырнадцатилетнему юноше, эти рассказы будоражили воображение. Они укрепляли авторитет Адика больше, чем обсуждения журналистских проблем.

Из биографии

Аркадий Галинский закончил школу в **1940** году, и **15** октября этого же года его взяли в армию. Поскольку он был хорошим спортсменом, отчиму Александру Израилевичу Бродскому удалось договориться в военкомате, чтобы пасынка не отсылали из Киева, отчего до декабря **1940** года он и служил писарем при штабе Киевского Военного округа, выступая в спортивных соревнованиях за этот округ. Штабной писарь Галинский даже приходил домой ночевать и проводил дома выходные дни. Однако в конце **1940** года вышел приказ наркомата обороны, требовавший, чтобы призванные в армию молодые люди не проходили службу в родных городах. Так Аркадия Романовича отправили служить на границу с Польшей в город Чортков (теперь это Западная Украина). Служил он в **139-й** стрелковой дивизии **6-й** армии штабным писарем-делопроизводителем. Командовал в начале **1941** года этой дивизией генерал-майор Б.Д. Бобров, который впоследствии погиб **7** октября **1941** года у местечка Волочек Смоленской области.

В штабе **139** стрелковой дивизии понимали, что очень скоро, вот-вот начнется война с немцами, поскольку перебежчики, пересекавшие пограничную полосу, сообщали о большом скоплении немецких войск по ту сторону границы, в оккупированной Германией Польше. Поэтому когда **22** июня **1941** года в **4** часа утра немецкие самолеты бомбили ряд советских городов (в том числе и Киев), а через границу двинулись немецкие танки, для Аркадия Романовича и его сослуживцев это неожиданностью не было. **139-я** стрелковая дивизия была окружена немецкими частями и разгромлена. Три военачальника – тогдашний комдив Логинов, комиссар Парамонов и начальник штаба дивизии Карпенко – на глазах у своих подчиненных застрелились. Капитан Тёмкин, опытный военный, участвовавший в финской кампании **1939** года, собрал остатки дивизии, спас знамя и вывел всех из окружения.

Выйдя из окружения, Аркадий Романович продолжал воевать. Он служил в отделе укомплектования штаба **26-й** армии Юго-Западного фронта. Его армия в этот период занимала оборону по левому берегу Днепра, в районе города Канева. **14** сентября **1941** года армия оказалась в тылу у немцев, но до конца сентября продолжала воевать организованно под командой генерал-лейтенанта Костенко и полковника Варенникова. **21** сентября **1941** года под

селем Белоусовка Полтавской области Аркадий Романович был легко ранен – осколок гранаты оцарапал спину. Немцы обнаружили его, когда он прятался у села Крупнодеренцы в стогу сена: немецкие солдаты шли по полю и прокалывали стога штыками.

Так Аркадий Романович попал в Пирятинский лагерь (Пирятин – город в Полтавской области), куда немцы собрали остатки разгромленных ими пяти армий. Это было **22 сентября 1941** года. Спустя сутки, **23 сентября**, Аркадий Романович со своим тяжело раненным другом Александром Дмитриевичем Желудковым (у которого были оторваны три пальца на руке) собрали группу для побега из лагеря. Они бежали ночью, переодевшись в гражданскую одежду, но с оружием. Проломили дыру в стенке деревянного туалета. Вымазавшись в содержимом туалета, беглецы выползли за пределы лагеря.

Еще днем, накануне побега, Аркадий Романович встретил на территории лагеря своего киевского знакомого по довоенному спорту, тот предложил прибиться к его группе: «Меня назначили старшим в группе, будем немцам служить». Однако для Аркадия Романовича такое предложение было неприемлемым. Между прочим, этого спортсмена Галинский впоследствии никогда в Киеве не встречал.

Вскоре немцы обнаружили исчезновение из Пирятинского лагеря группы военнопленных и открыли по ним стрельбу. Беглецов спасла только темная украинская ночь. Они прошли долгий путь по захваченной немцами территории Украины – от Пирятина до села Ганебна, что под Харьковом. Шли ночами, днем отсыпались в лесу или в стоге сена. Если в селе не было немцев, то они останавливались в хате, причем часто беглецов спасал юмор Аркадия Романовича, который обращаясь к хозяину, говорил: «Дядю, дайте закурить, бо так ести хочеться, що нема де переночувати!». Когда же Саше Желудкову нужно было перевязать рану, которая то и дело начинала гноиться, Аркадий Романович узнавал, где в селе живет фельдшер, и под дулом пистолета заставлял его менять другу повязку.

Однажды, когда беглецы подошли к селу Шахворостивка, Аркадий Романович вспомнил стихотворение известного украинского поэта Павла Тычины, в котором упоминалось название этого села. Был уже вечер, а в деревнях не то что вечером, но и днем чужих в дома не пускали. Беглецы постучали в первую же хату на окраине деревни и спросили, где здесь живет школьная учительница. Не открывая двери, им ответили, что «вчителька» живет через два дома.

Когда они постучали в дверь указанного дома и послышался женский голос, Аркадий Романович начал декламировать стихотворение Тычины, которое он учил в школе и в котором были такие строки: «Трактористи, комсомольці, / Нам гуляти не рука./ Поорали, поробили / Там, де Шахворостівка» (Трактористы, комсомольцы, нам гулять не с руки, попахали, поработали там, где Шахворостивка). Услышав знакомое стихотворение и поняв, что за дверью свои, учительница впустила их в дом, накормила, напоила, и они пошли дальше, так как передвигаться по захваченной немцами Украине беглецам неопасно было только по ночам. Будучи уже собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Украине в **50-е** годы, Аркадий Романович рассказал однажды эту историю самому Тычине, с которым был в хороших отношениях, и тот подарил ему свою книжку стихов с теплой дарственной надписью.

Однако возвратимся к судьбе беглецов из Пирятинского лагеря для военнопленных. Поскольку они сбежали из лагеря после первого же дня пребывания там, то все сохранили не только свое оружие, но и воинские документы. У некоторых даже сохранились комсомольские билеты. Поэтому когда **10 октября 1941** года беглецы вышли к своим в районе станции Лихачево Харьковской области и предъявили личное оружие, комсомольские и военные билеты, их сразу не арестовали как дезертиров и не отправили в ГУЛАГ. Однако основной причиной, по которой Аркадий Романович и его спутники и в дальнейшем не подверглись репрессиям, обычно ожидавшим тех, кто бежал из немецкого плена, был приказ верховного главнокомандующего Сталина о **26-й** армии, в котором отмечалось, что их дивизия «героически сражалась» на Украинском фронте.

В тот год, который мне посчастливилось провести в этой семье, Адик работал в корпункте «Литературной газеты» по Украине. Много ездил по заданиям редакции и писал интервью и заметки от имени передовиков разных профессий всех рангов. Что и говорить, он видел наше общество во всех срезях. Возвращаясь из командировок, он под свежими впечатлениями описывал ситуации с юмором или с возмущением. В семье открыто обсуждались коллизии, которые он ездил разруливать или точнее демпфировать. Они были типичными для любого региона. Он прекрасно видел изнутри советскую жизнь, нравы и порядки; гораздо глубже, чем мы, простые обыватели, понимал природу проблем и их неразрешимость. Часто заканчивались такие поездки фельетонами, зацепляющими "авторитетных" людей. В нём назревал, ширился внутренний протест, которому способствовали окружавшие его друзья - фронтовики Виктор Некрасов, Константин Симонов, Семен Гудзенко, Межиров. Вылилось это в конце концов в предложение открыть для него корпункт в Сибири, что фактически являлось увольнением "по собственному желанию" из Литературки.

В доме дяди Саши часто бывали друзья Адика, и иногда это были очень весёлые встречи. Особенно когда появлялся Тарапунька (Тимошенко). Однажды он стал рассказывать про подаренного ему трофейного говорящего попугая. Жил Тарапунька в квартире, балкон которой выходил в Пассаж. Иногда он выносил попугая на балкон и просил его продемонстрировать свои возможности. Попугай говорил на немецком и исключительно лозунгами, среди которых был и "Хайль Гитлер". Публика внизу была ошалевшей. Позволить себе такую вольность мог только он. Рассказ Тарапуньки передать, к сожалению, невозможно. Можете поверить, мы падали от смеха.

В Киев я приехал аполитичным человеком. К Сталину относился равнодушно. Поэтому сообщение о болезни Сталина через пару недель после нашего появления в Киеве вызвало всего лишь любопытство. Особенно удивляла необычная тональность сообщений и реакция публики вокруг. Это известие повергло людей в шок. Все как-то притихли, не слышно было громких голосов, все ждали, что будет. В растерянности собирали сослуживцев для коллективных прослушиваний сводок. Ждали указаний сверху.

В семье дядя Саши с напряжением ждали, чем это кончится. Трагедии не чувствовалось, но ждали и надеялись, что это конец. Только это и никаких дискуссий, никаких обсуждений и прогнозов на будущее. Все в семье всё понимали.

Киев в эти дни погрузился в какой-то ступор. Я выходил из дома, шёл по пустынной ул. Ленина, спускался мимо театра Леси Украинки на Крещатик. Крещатик был запружен народом, движение было перекрыто, и по всей улице на столбах были вывешены динамики, по которым постоянно транслировали новости из Кремля и бюллетени о здоровье вождя. Люди стояли в скорбном молчании, не двигаясь. Картина была необычной и вызывала у меня приступ беспричинного идиотского смеха. Я в страхе нырял в ближайший подъезд и смех проходил, но лишь до тех пор, пока я не выходил на улицу опять. От греха подальше я ретировался домой. Но любопытство гнало меня опять и опять на Крещатик.

Я ещё раз повторяю, я не был в оппозиции к власти, это придёт позже. Я просто был свободен от воздействия пропаганды, она вызывала во мне только тоску и раздражение бесконечным повторением одних и тех же постулатов, которые в нашей жизни почему-то не реализовывались. Значит, считал я, эта жизнь где-то есть, но не у нас. Это вызывало только сомнения, но не протест!

В школе нас выстроили в коридоре и включили трансляцию последней сводки о здоровье Сталина. Чувствовалась растерянность. Что будет, как будет, если он помрёт. Для меня болезнь Сталина не вызывала радости, но и никакого сожаления не было. Скорее ожидание: а что будет дальше?

В марте умер Сталин. Я уже сказал, что относился к нему довольно равнодушно. Надоедало постоянное мелькание его имени и фотографий в газетах. В нашей школьной среде сложилось неуважительное отношение к официальной информации в газетах и по радио. Сейчас мы понимаем, что это была обычная, стандартная пропаганда, заключающаяся в переключении внимания с главных жизненных проблем на второстепенные факты, зачастую просто сфабрикованные. Но в то время мы этого не понимали, и причастных к источнику этого потока

награждали пренебрежительной кличкой "патриоты". Стихийный протест сводился к неприятию официальных инициатив и культурных мероприятий. Напротив, нас в классе объединял интерес к запретной западной джазовой и танцевальной лёгкой музыке, мы пытались поймать голоса зарубежных радиостанций, нас захватывала героика американских боевиков. Мы были абсолютно аполитичны. Официальные комсомольские мероприятия нагоняли на нас тоску и нежелание в них участвовать. Я часто размышлял, почему у меня эта комсомольско-патриотическая политическая пропаганда вызывает отторжение, ведь по сути все правильно. Все постулаты: равенство всех, независимо от положения и национальности; жизнь и труд во имя благополучия страны; мирное небо над головой; общественные интересы должны быть выше личных и т.д. - не вызывают возражений. Ответы на эти вопросы пришли позже, а в том, пятьдесят втором году, я, семиклассник, был стихийным оппозиционером. В сороковые годы в Магадане только бывшие политзаключённые могли что-то объяснить. Но с ними у нашей семьи никаких контактов не могло быть. В окружении отца на работе в Главке или в быту из бывших, а особенно с 58 статьёй, не было никого. Да и вести такие разговоры было опасно.

Кстати, в коммунальной квартире моего близкого друга Вадима Буркина жила семья режиссера Магаданского театра Михаила Арша. Я часто бывал в их квартире. Арш отсидел пять лет с 1937 по 1942 год на Колыме и был освобождён без права выезда на материк. Так вот, ближайšie знакомые их семьи были исключительно бывшие заключённые. Это был их мир. С Буркиными запретных тем не обсуждалось.

Когда объявили о смерти Сталина, масса народа рванули в Москву на похороны. Говорили, что пустили дополнительные поезда, но и этого не хватало и люди пытались ехать на крышах вагонов.

В такой обстановке прошёл мой седьмой класс. Школа была расположена на ул. Ленина, недалеко от дома. Требования учителей были не жёсткие, гораздо слабее, чем в Магадане. Атмосфера на уроках была демократичной, можно было комментировать поведение учителя, отпускать реплики и развлекаться, принося на урок кошку или птицу. От уроков украинского я был освобождён. Учиться было нетрудно, нагрузка не была тяжёлой.

Закончил я седьмой класс совсем другим человеком. Постоянный контакт с Адиком, с дядей Сашей произвели переворот в моём сознании и восприятии мира. Это был по сути крутой поворот в отношениях с миром. Мне было четырнадцать лет, и неосознанная неудовлетворённость и дискомфорт приобрели конкретное объяснение. Всё оказалось много проще: полицейское государство, обслуживающее абсолютную диктатуру. Но культ ещё не осудили, понятие тоталитаризма и разница между «демократией» и «социалистической демократией» осознаются гораздо позже. Чтобы понять природу и формы власти, у меня в то время не хватало ни образования, ни информации. Главное, появился фильтр, позволяющий в потоке информации отсеивать пропаганду и оставлять факты для анализа. Сложным был не выбор позиции, а степень активности в этих условиях. Я не был готов ни тогда, ни позже к активным протестам. Единственно что я мог позволить себе - это особо не скрывать своих взглядов и воспитывать своих детей соответствующим образом.

В мае мы с отцом, распрощавшись с родственниками, отчалили в Магадан. Отец был плох, в дороге очень уставал. Но виду не подавал, и никаких жалоб я от него не слышал. Дома он

некоторое время продолжал работать, даже начал учебный год. Но вскоре слёг и уже не вставал до самой смерти в октябре. Хоронили его торжественно, пришли руководители технического отдела Главка, были стандартные речи, соболезнования, обещания помощи. Похоронили его на городском кладбище, которое сейчас оказалось в черте города.

10. МЕЖДУ МАГАДАНОМ И ГОРЬКИМ

10.1 Первая попытка

Надо сказать, что на Колыме школьное обучение в старших классах было нацелено на поступление в вузы. Это связано с тем, что в Магадане после школы молодёжи делать нечего, а большинство интеллигенции на Колыму приезжало из крупных городов, где у них оставались родные.

Итак, школа окончена. Делаем последние фотографии. Вот наш 10-й класс. Классная руководитель – Чарна Мейеровна – учительница немецкого языка. Обратите внимание: большинство девчонок в школьной форме. Такова была дисциплина в то время. Парты, за такими мы просидели все 10 лет. Последние дни в школе. Через месяц все разлетелись веером по городам СССР: Москва, Ленинград, Киев, Новосибирск, Луганск, Горький, Орёл, Минск, Свердловск ...

Я – на четвёртой парте в правом ряду справа. В.Буркин и Ю.Тынявский сидят на первой парте левого ряда.

По установленному порядку, выпускников в первую очередь и бесплатно самолётами вывозят на материк к родным (у большинства они были) или в различные города для поступления в вузы. Я выбрал Ленинградский институт связи. В этом городе жила моя тётя Нина с мужем, которая очень любила отца. До этого я её видел один раз в Киеве, когда она приезжала на встречу с нами. Детей у них не было, и она с радостью согласилась принять меня у себя. По крайней мере на первых порах

Ю.Тынявский, В.Буркин и я после последнего экзамена.

Каждый год в начале лета наступал период отпусков и отъезд выпускников. Это создавало головную боль администрации аэропорта, процедура отъезда нередко растягивалась на два месяца. В старших классах у нас сложилась тесная дружба с Вадимом Буркиным и Юркой Тынявским. Мы решили лететь вместе. К счастью, отец Тынявского работал в системе аэрофлота и для нас троих проблем с билетами не было.

Наконец наступил день отъезда. Чемодан был собран ещё с вечера. Собрались на автостанции и вместе поехали в аэропорт, который находился на 14-м километре. Провожали нас родители. На фотографии видно, какой я ещё пацан. Незадолго до вылета ко мне подошла женщина и попросила помочь добраться до Ленинграда её тринадцатилетнему сыну, которого встретит старшая сестра. Загрузились в ИЛ-14 и взлетели, как казалось, навсегда распрощавшись с этим северным краем. В Москве мы разъехались по разным направлениям. Я - в Ленинград, Вадим остался в Москве, Юрка - поехал в Киев.

Мама провожает меня в самостоятельную жизнь в аэропорту.

В Москве решили не задерживаться, сразу на Ленинградский вокзал, взяли билеты на ближайший поезд, позвонили с вокзала в Питер сестре моего подопечного и благополучно отбыли с ним по дальнейшему маршруту. В Ленинграде нас встретила молодая девица лет двадцати двух, одетая экстравагантно, в так называемом "стиляжном" стиле. Оказалось, она тоже окончила школу в Магадане, поступила в пединститут, живёт в своей (родительской, забронированной) квартире. Кое-как проучилась три года и вылетела по неуспеваемости. Попала в компанию "золотой молодёжи", скрывает своё пролетарское происхождение, работает где-то в магазине и кроме того её поддерживают родители. Это как раз тот случай, когда магаданские деньги коверкают судьбу детей.

Распрощавшись с новыми знакомыми, поехал с чемоданом искать Большую Зеленина, дом 3. Это была Петроградская сторона, как выяснилось, туда шёл троллейбус от Московского вокзала почти до дома. Меня с нетерпением ждала чета Вакманов. Тётя Нина была очень миловидной женщиной, аккуратно одетой, с красивой брошкой зеленоватого камня на груди, красиво уложенной причёской седых волос. Мягкая улыбка, казалось, не сходила с её лица. Лев Борисович - её муж - оказался невысоким, полненьким мужчиной в очках с толстыми линзами. Началась обычная в таких случаях суета: расспросы о семье, планах, знакомство с квартирой - где что расположено и т.д. Наконец уселись за стол. Чувствовалось, что им еще не приходилось принимать взрослого юношу, они не знали, как со мной общаться. Но были искренне рады и очень трогательно симпатичны. Стали планировать визит в семью сестры Льва Борисовича Софьи Борисовны, профессора консерватории, которая была замужем за главным дирижёром Малого оперного театра. У них был сын Валера, мой ровесник.

Признаться, входить в столь необычную для меня семью было страшновато и любопытно. Но я надеялся, что это будет не завтра. Мне в первую очередь надо было освоиться с обстановкой, подать документы, узнать, каков конкурс, когда и где консультации. Начал я с самого простого: несмотря на усталость с дороги решил осмотреть город. Это был легендарный Ленинград, и мне не терпелось побродить по его улицам. И, конечно, сопровождать меня взялся Лев Борисович, коренной ленинградец, ветеран обороны Ленинграда. Доехали до стрелки Васильевского острова, перешли дворцовый мост и направились по Невскому проспекту. Лев Борисович оказался глубоким знатоком истории застройки города: сообщил, кто заказывал, кто и когда строил дома по обе стороны Невского, и массу других интересных подробностей. Рассказывал он это прекрасным языком, с юмором и пикантными деталями. Я понял, что попал к очень хорошим людям. Могу сказать, забегая вперёд, что эта семья стала моим домом навсегда. В нём я чувствовал себя любимым племянником и пользовался этим абсолютно бессовестно.

Документы я сдал без особых проблем, получил экзаменационный лист и был зачислен в одну из многочисленных групп абитуриентов. Вскоре были вывешены расписания вступительных экзаменов. Началась интенсивная подготовка. Первым было сочинение. Начинались экзамены во всех ВУЗах первого августа одновременно. Этот экзамен традиционно считался главным, несмотря на профиль ВУЗа. Кроме этого надо было сдать математику (устно и письменно) и физику.

Сочинение написал короткое, в четыре страницы на тему "Онегин и Печорин". Получил четыре и успокоился. Этого экзамена я боялся больше всего. Через три дня сдавали письменную математику. И тут всё полетело к чёрту! Накануне я простыл и утром в день экзамена почувствовал сильный жар и слабость. Ничего не сказав дома, попилил сдавать. На экзамене сидел с трудом и плохо помню, что там наваял, на другой день свалился с высокой температурой и провалялся неделю. Вызывали врача, который дал справку, дающую право

сдавать после выздоровления, но только не позже 25 августа - конца экзаменов. Была надежда, но когда я пришёл через неделю, оказалось, что письменную математику я завалил. Не надо было идти больным на экзамен, а взять справку.

Было стыдно возвращаться домой, и я долго бродил по городу, не зная, как сообщить об этом маме. И вообще, что делать, как быть дальше! В армию меня в этом году ещё не заберут и есть возможность сделать ещё одну попытку. Но год надо как-то прожить. С этими мыслями я приплёлся домой и объявил Нине эту безмерно огорчившую её новость. Тётя Нина расстроилась, в большей степени сочувствуя мне, чем нелепой потере года. Она стала предлагать, каким образом можно прожить этот год у них. Я даже решил попытаться устроиться на работу. Через некоторое время пошёл на завод «Русский дизель», где провели меня по цеху револьверных станков и предложили взять меня учеником. Но затем выяснилось, что у меня нет ленинградской прописки, и они не могут меня принять.

Месяц прокантовался я в Питере и решил, что дешевле будет вернуться, устроиться на работу и готовиться дома к экзаменам. С позором вернулся в Магадан. Обрато ехал в плацкартном вагоне поезда до Находки и затем на пароходе. Путешествие было крайне интересным. Пассажиры то и дело менялись. Я быстро освоился и завёл знакомых попутчиков. Запомнился один молодой мужик, который в беседе рассказал, как он после демобилизации приехал в совхоз и пошёл наниматься на работу. Работы не было, но его спросили, водит ли он машину. Ответил, что прав нет, но в армии водил (хотя ни разу за рулём не сидел). Дали ему раздолбанный грузовик, сказали, чтобы поставил на ноги и работал на нём. С помощью шоферов разобрал мотор, помогли ему отремонтировать, а затем, говорит, всю ночь учился на ней ездить. И поехал! Запало мне это.

В Находке без труда купил билет в Магадан. Шёл пятьдесят шестой год, заключённых уже не возили, пассажиры жили в четырёхместных в два яруса каютах. На борту даже была столовая. До пролива Лаперузы прошли спокойно в сопровождении касаток. Дни были спокойные, солнечные. Но в проливе встали. Даже не сразу заметили, что стоим. Утром обратили внимание на усиливающуюся килевую качку. По коридору по прямой пройти не удавалось: бросало то к одной, то к другой стене. Вышел на палубу. По правому борту вдали был виден берег Сахалина. Море штормит, крупные волны катят навстречу теплоходу. Форштевень та взмывает, то проваливается так, что впереди оказывается очередная гора, вершина которой маячила где-то далеко вверху. А затем она обрушивалась на корабль. Зрелище завораживающее. Наблюдать за этим безумством моря можно было только со средней части судна. Дальше проход запрещён, да и желания не возникает промокнуть до нитки. Зато на корму - пожалуйста. Там волны не перекатываются через борт, они гладкие и спокойные. Но очень глубокие провалы между ними. Можно спокойно стоять у борта и наблюдать, как море поднимается всё ближе и ближе к тебе, но, не достигнув полутора метров до палубы, начинает уходить вниз всё дальше и дальше. И вдруг раздаётся мощный рёв - это на несколько секунд оголяются винты и взывают, как будто требуют вернуть их в родную стихию.

Приехав домой, решил устроиться радиомонтажником в какую-нибудь организацию, сказав, что схемы читаю, в школе собирал приёмники. Такая контора нашлась - «Центральная энерголаборатория» (ЦЭЛ). Взяли с испытательным сроком. Схемы я худо-бедно читал, знал многие обозначения. Купил пособие по монтажу радиоаппаратуры и засел за книжки. Дали мне простенькую схему и панель, на которой надо было разместить детали. Собрал, сдал, зачислили на работу. Таким образом я стал зарабатывать настоящие и немаленькие деньги в семейный бюджет. За полгода работы освоил все тонкости монтажного дела, вспоминая рассказ спутника.

Это стало моим девизом: браться, брать ответственность, не колебаться и не дрейфить. Через полгода уволился я уже радиомонтажником 4-го разряда!

Я попал в группу, разрабатывающую самородкоулавливатели, которые предназначались для крупных приисков. Проблема заключалась в том, что при работе промприборов золотые самородки величиной более 3 см не проваливались в ячейки сепаратора и отправлялись в отвалы. Это была середина пятидесятых годов и системы обнаружения оружия, которые стоят теперь в каждом аэропорту, ещё не были распространены, поэтому для приисков пришлось разрабатывать свои распознаватели металла на ленте конвейера. Специфика данной задачи - отличать золотой самородок от железного лома и консервных банок, попадающихся вместе с породой. При обнаружении золотого самородка на транспортёрной ленте соответствующая часть породы сбрасывалась в специальный бункер. Как рассказывали рабочие, оцинкованные консервные банки давали тот же сигнал, что и золото.

В условиях Магадана того времени все механические элементы конструкции приходилось делать самим, включая покраску и покрытие лаком панелей. Для меня это был неоценимый опыт освоения многих смежных профессий, который пригождался в дальнейшем постоянно.

В свободное от работы и занятий время я проводил в школьном радиоузле, где собиралась тёплая компания старшеклассников, «прогрессивная» молодёжь, подверженная тлетворному влиянию «загнивающего» Запада. Хозяничали теперь там нынешние десятиклассники, но всё те же ребята, которые были при нас, да оставшийся на второй год Игорь Гадзевич. С материка я прихватил набор импортных пластинок с новинками лёгкой танцевальной и джазовой музыки, «купленные с чёрного хода», и тем самым поднял свой авторитет в этом клубе. Эти пластинки мы гоняли на вечерах и на переменах. При отъезде я продал эти диски с определённой выгодой.

Короткие четыре месяца пролетели незаметно. Пора было готовиться к новой атаке на институт. И тут возникла большая проблема. На билеты и моё содержание денег не было. Моя пустая поездка и так образовала дыру в бюджете. С гражданским вузом надо было распрощаться. Во время подготовки к экзаменам в институте и на консультациях я узнал, что существует система формирования контингента абитуриентов призывного возраста в Высшие военные училища через военкоматы.

По приезде в Магадан я наведалься в военкомат, где мне подтвердили, что действительно, такая возможность существует. Оказалось, действительно, есть такая организационная форма. Надо подать заявление, и на будущий год вместо призыва в армию могут послать в училище для поступления. При этом оплачивается дорога в один конец, и абитуриент ставится на довольствие до поступления. Кроме того, экзамены в училище проводились в июле - на месяц раньше, чем в гражданские вузы. Таким образом, можно сдать основные экзамены, а затем забрать документы и подать их в любой институт. Выход найден!

Я, не теряя времени, в том же военкомате просмотрел длинный список Высших военных училищ, выбрал Высшее военно-морское училище связи им. Попова, расположенное в пригороде Ленинграда в Петродворце. Там же с помощью сотрудника военкомата соорудил заявление. Собрал и приложил к нему длинный список документов, справку медицинского осмотра и фотографии. Извещение о допуске к конкурсным экзаменам должно придти в военкомат и на основании этого извещения я должен получить документы на право бесплатного проезда до Питера.